

ВЛЫС ГЕЙМЕР ОДИН ИЗ ДЕМОНОВ

12+

Альтс Геймер

Один из демонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24082961

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06493-5

Аннотация

Развитие технологии привело к тому, что на планете Земля построили подлинный Рай. А потом решили одним Раем не ограничиваться и создали настоящий ад. В новом государственном учреждении образовалось немало интересных вакансий.

Содержание

Гл.1. Линия Моллоя. Система ищет жертву	4
Гл.2. Линия Слика. Любовная позиция номер сто девятнадцать	24
Гл.3. Линия Моллоя. Щедрое подаяние плебсу.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Гл.1. Линия Моллоя.

Система ищет жертву

Их было четверо – соискателей на должность помощника руководителя спецпроекта «А– Консент–Д». Разные рост и цвет волос, но Полди поймал себя на мысли, что они все равно похожи друг на друга. Возраст где-то между прыщавым оптимизмом и отливающей сединой недоверчивостью; белые комбинезоны управленцев, молодых профессионалов с коммуникаторами класса «А»; на физиономиях горделиво светился отпечаток амбиций. Который, впрочем, моментально слетел с претендентов, едва они вышли из лифта на нужном этаже. Скоростной подъемник выпустил их в небольшой круглый холл, со столом охранника в виде геометрического центра. Рядом с сотрудником службы безопасности стояли и негромко беседовали трое мужчин. Когда они машинально обернулись к посетителям, Полди испытал безотчетное желание втянуть голову в плечи. Он вдруг почувствовал себя довольным жизнью породистым псом, которого зачем-то взяли и зашвырнули в клетку к диким волкам. А те рассматривают новичка с чисто плотоядным интересом, очевидно прикидывая, какую именно часть оторвать от него в первую очередь. Похоже, что и остальные соискатели испытали аналогичные чувства, потому что вслед за неловкой паузой са-

мый смелый из них робко пискнул охраннику:

– Нам было назначено...

Туловище стража распрямилось вертикально вверх, словно стальная пружина.

– Следуйте за мной, – отрезал он.

Темно-синяя униформа проекта «А-Консент-Д» сидела на его поджаром теле словно вторая кожа, а осанка вызывала ощущения, что у охранника вместо позвоночника вставлен железный штырь. Трое двуногих хищников, которые в безмолвии остались за их спинами держались не менее прямо. Военные, бывшие военные, наконец, догадался Полди. Он мог сообразить и пораньше, но непонятной природы испуг помешал разуму. С чего бы? Они находятся в сердце столицы Земной Метрополии – Венторисе, самом безопасном месте на планете, в главном офисе Райских парковых зон – сбывшейся светлой мечты человечества, а он боится? Почему?

Охранник довел группу претендентов до нужной двери, встал напротив нее, а руку вытянул поперек коридора будто шлагбаум. Его двойной посыл был предельно ясен: «Ребята, вам туда», и одновременно: «Что находится дальше по коридору, вас не касается». Движения стража были полны нерастраченной энергии, уголки губ подрагивали, словно хотели сдержать усмешку. А может быть, Полди просто лезут в голову дурные мысли? И неизвестно откуда плеснувшую по телу волну озноба вызвал невинный сквозняк из открытого

окна, а не предчувствие чего-то скверного впереди? Полный сомнений, он последним перешагнул через порог кабинета.

Про новую работу болтали разное. Безусловно, она была связана с Райскими парковыми зонами, но никто толком не знал, как именно. Но даже, несмотря на прямое отношение проекта «А-Консент-Д» к новой волшебной сказке Земли, вокруг него клубились по большей части недобрые слухи.

Любители сплетен полушепотом сообщали о грандиозной стройке на юге Европы, о мгновенной ротации рабочих бригад и о полном отсутствии какой-либо определенной информации. А уж про человека, который стоит во главе проекта, так и вовсе ходили самые невероятные кривотолки. Дескать, все возглавляет не то религиозный фанатик, не то самый настоящий сумасшедший. Как же он тогда смог протащить свою задумку через Ассамблею Метрополии? Непонятно. Тревожное состояние Полди усилилось, когда один из кандидатов доверительно склонился к нему и произнес:

– Говорят, что старик этот с большой придурью...

– Угу. Мне рассказывали, что он по пять раз на неделе меняет внешность, – перебил его второй претендент. – Типичный маньяк. А кто еще за такое возьмется? Я из надежных источников знаю – нам предстоит разработать новую кастовую градацию, взамен системы Дюфора. Жесткий дедлайн! А какая ответственность? Доходы, правда, невероятные. И всевозможные льготы. Если бы не это, ни за что бы не согласился!

Третий участник их группы ничего не сказал. Он был занят тем, что разглядывал помещение, в котором они находились. Полди последовал его примеру.

Когда перед ними открылась полупрозрачная стеклянная дверь, похожая на оранжевую линзу, он ожидал увидеть внутри просторный кабинет, солнечные блики на белых офисных столах, а попал не то в музей, не то на площадку исторической реконструкции. Внутри все было перегорожено массивными деревянными шкафами, на полках которых теснились всамделишные бумажные книги. Странно. Из окон комнаты виднелась верхняя часть стоэтажного Рифового Серпантина, гордости Метрополии, а тут, в обителище одного из руководителей Департамента Рая царила замшелая древность. Вообще–то, интерьерный стиль «кастелло» снова входил в моду среди дизайнеров, но там древние фолианты заменялись искусной имитацией, а здесь, Полди готов был в этом поклясться, стояли подлинные печатные издания. Запах. Он наверняка исходил именно от книг. Молодой человек даже невольно понюхал лацкан своей рубашки – не пропитался ли он сам флюидами ветхой бумаги, но его нос ткнулся в острую грань коммуникатора, и Полди чихнул. Потом еще раз. Испытывая неловкость, он шагнул к ближайшему стеллажу и вытащил первый попавшийся фолиант. Открыл наугад, в глаза бросились строчки:

«– Подлинная жизнь отсутствует,
Мы пребываем вне мира,

Я иду туда, куда он идет.

Так надо.

И часто я, несчастная душа,

Накликаю на себя его гнев,

Он демон.

Ты же знаешь...»

Полди захлопнул книгу. Натуральная кожа на обложке ласкала пальцы. Золотое тиснение на ней гласило: Артюрембо, «Одно лето в аду». Полди аккуратно поставил печатный труд на полку, и отшагнул на свое исходное место. Странно. Все очень странно. Претендент, что разглагольствовал про маньяка насмешливо хмыкнул:

– Я тоже глянул на подборку. Сплошная мистика. Вергилий «Энеида», Данте и все в том же ключе. Хранилище никчемного барахла. Надеюсь, что дело будет стоять потерянного дня.

Он, похоже, уже освоился и чувствовал себя непринужденно. Но насчет барахла ошибся. Не все в кабинете было старым и никчемным. На стене, справа от Полди, в два ряда висели вполне себе современные пленочные мониторы, на которых застыли картинki непонятных, но жутких пейзажей. Числом ровно семь. Один из них походил на извержение вулкана за минусом самого вулкана – лавовые поля, гейзеры и дымные испарения, но причины катаклизма нигде не просматривалось. Второй являл собой стылую пустыню. На остальных неизвестный автор запечатлел столь же непри-

влекательные места, за исключением нижнего крайнего, на котором не было ничего, кроме сгустков белого тумана.

А на противоположной стене также висели картинки, только это были репродукции полотен живописи. Их объединяло одно общее свойство – все они изображали неизвестных науке животных, каждое из которых вполне могло стать главным персонажем ночного кошмара. Твари, что никогда не рождались под Солнцем Земли взирали на людей с этих картин. Их вид вызывал брезгливое отвращение. Полди заметил, что первый претендент внимательно разглядывает репродукции через призму своего коммуникатора. Решил заснять на память?

В проходе между шкафов неожиданно появилась седая голова. Потом на вертикальную деревянную панель легли две кисти рук. Хозяин кабинета, похоже, не решился сразу пройти к посетителям, а предпочел сначала осторожно высунуться из-за стеллажа. Для этого ему, наверное, пришлось согнуться под углом в девяносто градусов. Выглядело это, по меньшей мере, необычно.

Соискатели переглянулись.

– Потеха начинается, – одними губами произнес словоохотливый кандидат.

Глава проекта «А–Консент–Д» несколько секунд обозревал четверку претендентов, а те, в свою очередь, пялились на него. Вид у влиятельного чиновника был, пожалуй, даже более странный, чем принятая им поза. Половина его лица

состояла из пышных усов, которые закручивались по румяным щекам и превращались в косматые бакенбарды. Вся эта растительность не была тщательно ухожена и расчесана, от чего человек до смешного напоминал барсука после линьки. Его возраст мог свободно колебаться в пределах от сорока до семидесяти лет.

Хозяин кабинета, видимо, составив для себя первое впечатление о соискателях, отлепил пальцы от шкафа и окончательно предстал перед гостями. Роста он был невысокого, и казался еще ниже, потому что потешно, по-птичьи, пригибал голову, будто хотел взглянуть на собеседника от самой земли.

– Ага! – воскликнул он. – Значит, вы – те самые юные дерзновенные личности, что готовы посвятить свою жизнь великому делу? Приятно, приятно видеть такой энтузиазм.

Третий, доселе не проронивший ни слова, соискатель сделал маленький шаг вперед:

– Простите, мы только что подписали договор о неразглашении информации...

– Да-да, верно! Нам сейчас может сильно навредить любая утечка.

– И там был пункт о финальном тесте на пригодность. В самом низу. Мы поставили свое согласие, но хотелось бы подробнее ознакомиться с его сутью...

– Ха-ха! Последний тест? Отлично. Вы внимательны. Это не помешает. Но! О тесте – чуть позже. Все дела потом, а сей-

час – по бокалу замечательного коктейля. Так сказать, обряд инициации.

Мохнато–усатый начальник быстро открыл деревянную дверцу небольшого бюро и извлек оттуда круглый поднос с пятью фужерами, до половины наполненными зеленоватой жидкостью.

– Мой личный рецепт. Расслабьтесь. Сегодня у нас в программе только развлечения. А именно – кроуд-файтинг. Излюбленное игрище нашей планеты.

– Я уже три года имею честь быть вторым пилотом краулера, – веско заявил первый соискатель.

– И я! Я – стрелок страйдера! Я – тоже! – разом воскликнули остальные, причем Полди принадлежала последняя реплика.

– Удивительное совпадение, – хихикнул хозяин кабинета и хитро подмигнул. – Ну, разбирайте бокалы, они тяжелые! Мне ваш спорт напоминает брачные игры богомоллов. После красочного вступления следует смертельная схватка. Вернее, смертельная она обычно для механизмов. Их операторы редко получают травмы, не так ли?

– Нас обычно спасает карбоновый каркас и термозащитная одежда, – ответил третий претендент, а потом закатал рукав продемонстрировал уродливый шрам. – Но не всегда.

– Три ребра под замену, – второй претендент решил не отставать от конкурента.

А вот Полди не стал упоминать о двух собственных пере-

ломах лодыжек, поскольку пока не знал – в плюс или в минус это будет засчитано.

– Увы, увы, народ нуждается в ярких впечатлениях, поэтому без членовредительства никак, – вздохнул высокий чиновник. – Но обратите внимание, как важно данное развлечение для простого люда. Там делаются ставки, на дуэлях роботов разрешаются споры. А финансирование? Не забывайте, что каждый механизм создается на донорские пожертвования. По сути своей он плод коллективного сотрудничества сотен граждан. Мы немедленно отправляемся во Дворец кроуд-файтинга!

Усатый коротышка лихо вскинул вверх свой бокал:

– Чиз–з–з! Что, приятно холодит? – весело спросил он, когда увидел, как перекошились лица претендентов от его коктейля. – Неудивительно, в составе присутствует перечная мята. До дна, любезные, не нужно изображать передо мной праведников! Тем более, что собрались мы ровно по противоположному поводу. Как, позвольте, это говорится... «И боязливых же, и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолопоклонников, и лжецов участь в озере, горящем огнем и серой. Это смерть вторая». Вижу на вашем лице непонимание. Я цитирую Библию, Откровение, стих восьмой. К нашей будущей работе этот отрывок будет иметь самое непосредственное отношение.

Претенденты изумленно переглянулись. Что он имеет в виду?

– Вы являетесь поклонником инфернальной живописи Уэйна Барлоу? – осторожно нарушил молчание первый соискатель.

А вот для чего он снимал репродукции на коммуникатор! Решил блеснуть эрудицией?

– Да, он – один из источников моего вдохновения, – беззаботно кивнул директор проекта. – Ага, ставьте посуду обратно на поднос. Позже ассистент заберет ее. Я сейчас отлучусь переодеться, а вы пока осваивайтесь.

С этими словами человек, пятясь задом, ввинтился в проход между книжными шкафами и пропал из виду. Молодые люди в очередной раз недоуменно посмотрели друг на друга. От подношения будущего начальника у каждого из них онемело горло.

– Ну и дрянь! – просипел первый.

– Не знаю насчет мяты, но такой вкус должен быть у вытяжки эвкалипта, – обронил второй.

– Или у жидкого азота, – предположил Полди.

Третий, по своему обыкновению, промолчал.

Несмотря на то, что хозяин кабинета исчез, остался его голос. Он, казалось, звучал изо всех углов:

– Сотрудник, который будет работать со мной, должен находиться выше предрассудков, выше морали, выше обычных общественных ценностей. Мы строим сооружение, одна мысль о котором показалась бы нашим пращурам кощунством. Да что там! Если прямо сейчас провести опрос на ули-

цах – половина людей будет в шоке, вторая половина просто не поверит! Понимаете, какими качествами должен обладать кандидат? Ему придется подавлять в себе многие порывы... Что такое? Першит в горле? Ничего, это нормально... «И не бойтесь убивающих тело души же не могущих убить, а бойтесь более Того, кто может и душу, и тело погубить в геенне». А это уже Евангелие от Матфея.

Полди подумал, что сильно обманулся. Странному усачу требовался только один помощник. Почему же их прислали всех четверых? Вероятно, окончательный отбор должен был произойти в результате загадочного последнего теста, о котором он и понятия не имел, пока не услышал слова о нем от третьего соискателя.

– Что есть человек разумный? – возник из воздуха неожиданный вопрос.

– Теплокровное млекопитающее, обладающее рассудочным мышлением, – не задумываясь, ответил второй кандидат.

– Ха–ха! Вы и вправду так полагаете? И какова доля этого самого рассудочного мышления в ваших решениях и поступках?

– Значительная...

– О! Это превосходно! Зна–чи–тель–ная... Значительная часть от нуля! Вот, что я вам скажу. Вы все, все до одного, пребываете в заблуждении, что управляете собой с помощью разума. Нет, нет и снова – нет! Мы обычные живот-

ные, возомнившие о себе невесть что. Человеком до сих пор полностью руководят инстинкты. Они определяют сто процентов его поведения, сто процентов реакции на окружающее. И вам сейчас это будет доказано, мои дорогие претенденты. Принято думать, что все об этом знают, даже считают неприличным говорить на данную тему, поскольку сказано уже немало, но ни до кого не доходит вся ужасающая простота вывода – когда вы говорите с соседом по этажу, вы говорите с животным, когда вы видите на экране политика, вы видите животное, когда вы приглашаете девушку на свидание – вы приглашаете животное. И она, в свою очередь, идет на встречу с животным! Понимаете? К чему я это ... Власть! О чем, в связи с таким устройством наших реакций, думает власть? Как работает система управления народом, спросите вы? Очень просто, отвечу я. Во все времена власть постоянно обращалась к гласу разума, она взывала к рассудку. Но! Воздействовать при этом она предпочитает исключительно на инстинкты. Так надежнее.

Вопреки прошедшему времени онемение от коктейля не прошло, а напротив – усилилось. Полди чувствовал, как холод распространяется по телу. Желудок, вслед за пищеводом превратился в кусок льда, становилось трудно дышать. Со стороны остальных кандидатов послышался надсадный кашель. Перед глазами начали мелькать темные пятна.

– Что с вами? Кружится голова? Немеет гортань? Ничего не поделать – так работает токсин, который содержался в ва-

ших напитках. Мне не нужны четыре помощника, мне достаточно одного, но очень толкового. А вас шлют и шлют, будто штат проекта безразмерный! Понимаете мои затруднения? В составе коктейля есть вещество, от которого сначала наступает паралич гортани, а потом он расширяется на плевру и легкие. Я уверен, что вы это уже ощущаете. Стремительно холодеет в груди, так? Будет недостаток кислорода, начнутся видения, но ненадолго. Потом следует полная остановка дыхания. Такова фармакинетика токсина. Моя гордость! Я называю его «Расплата за грехи»!

На лицах претендентов сначала промелькнуло недоверие, которое тут же сменил панический ужас. Этот старик решил отравить их? Тут, прямо в здании Департамента Рая? Он действительно сумасшедший?! Видимо, безумный директор проекта наблюдал за ними, поскольку в ответ на выразительную мимику посетителей, он поспешил их успокоить:

– Нет, у меня и в мыслях не было вас убивать. Здесь, в помещении, где вы находитесь, есть противоядие. Оно ближе, чем вы думаете.

Словно по команде, они схватили свои коммуникаторы и начали вызывать службу спасения. Но тщетно. Сигнала не было. Кабинет, в котором они находились, оказался вне зоны связи. Это ловушка! Полди застыл на месте, а остальные кандидаты бросились к входной двери. Они шарили по ней в поисках ручки, пытались толкать, но все было бесполезно.

– Ну, зачем пытаться взломать дверь? Она крепкая, она

выдержит. И совсем не обязательно царапать стекло ногтями. У вас сработал животный инстинкт самосохранения. Борьба за жизнь! Она побуждает к действию.

Претенденты метались по комнате, натываясь на книжные шкафы. Их ноги подгибались, тела переставали слушаться. Третий соискатель бросился в нишу, куда нырнул старик, но через секунду возвратился:

– Его нигде нет! Он удрал! – просипел бедняга.

Губы парня начали синеть. На Полди будто напал столбняк. Он не мог поверить, что это происходит на самом деле. Такого просто не может быть! А голос все звучал, он парил вверх общего смятения:

– Правильно, можно обследовать письменный стол. Но это непродуктивно. Неужели вы думаете, что я настолько глуп? Ваши инстинкты и рассудочное мышление – вот ключ, вот отгадка. Сможет ли разум взять верх над паникой? Инстинкт заставляет вас метаться, искать путь к спасению, в кровь плещет адреналин. Получится ли у рассудка подавить его уровень? Обидно видеть, что животное действие вновь доминирует над хладнокровным разумом человека!

Рассудок, паника, адреналин, самосохранение. Эти термины завертелись в голове у Полди, когда к нему вернулась способность соображать. Может быть, попытаться отключить разум? Внушить себе, что ничего плохого не происходит? Или, наоборот, отдаться на волю чувствам? Стоп! Этот маньяк сказал – взять верх над паникой! Полди сжал зу-

бы так, что услышал противный скрип. Преодолеть ужас! Он с усилием загнал в легкие очередную порцию воздуха и начал аккуратно, толчками выбрасывать его через ноздри. Дышать носом! Попробовать сосредоточиться! Решение есть! Оно где-то рядом, но страх побуждает действовать, а не думать. Нужно подавить испуг, во что бы то ни стало. А прочие претенденты в отчаянии принялись крушить мебель и бросать все на пол. Вдруг один из молодых людей издал торжествующий хрип. Он заметил среди содержимого ящиков бюро пузырек с неизвестной жидкостью. Когда его дрожащие пальцы пытались откупорить крышку, ему в рукав рубашки вцепился другой соискатель. Они продолжали пихаться до тех пор, пока счастливый обладатель предполагаемого противоядия не опрокинул себе в рот весь флакон. Замер на несколько секунд, блаженно вращая глазами, но ожидания счастливчика развеял ехидный смешок отравителя:

– Хе-хе, зачем вы употребили жидкость для протирки оптики? Хорошо, что мне не пришлось в голову хранить тут серную кислоту! На чем я остановился? Ах да, на взаимодействии правящих кругов с населением. Во все времена было принято обманывать последнее. Иногда – для его же блага, но чаще – в угоду интересам правителей. У вождей, собственные инстинкты, прошу не забывать! Вернее, так – инстинкты те же, но вектор иной. Поэтому народу говорилось то, что ему нужно было услышать. С веками это становилось легче. Странно? Ничуть. Сто пятьдесят лет назад жил

один ученый по фамилии Шокли. Уильям Шокли, изобретатель биполярного транзистора, лауреат Нобелевской премии. Этот гений предложил принудительную стерилизацию людей с низким коэффициентом умственного развития. Чудовищно звучит, верно? А ведь он хотел сохранить нашу цивилизацию. В результате технического прогресса мы сломали хребет естественному отбору, когда выживали не только самые сильные, но и самые умные. Теперь закон защищает всех, даже дураков, которых становится все больше и больше. Это потому, что мы отобрали у природы право прополки слабых. Человечество глупеет в массе, быстро глупеет. Вот посмотрите на современные стандарты женской красоты. Спрашивается, куда из них делся интеллект, практическая сметка? Вы полагаете, что там их изначально не было? Ха! Я вам скажу – вы напрасно это полагаете! Когда интеллект понижается в массе, голоса инстинктов звучат в полную силу. Власти это выгодно. Населением легче управлять. Вам известен парадокс Гегеля? «История учит человека, что он ничему не учится из истории». А теперь, уже скоро, будет и учиться некому. Вот, чего я опасуюсь.

Полди стоял с зажмуренными глазами, бессильно опустив руки вдоль тела. Будь что будет! Раздался грохот, от которого он вздрогнул и огляделся. Один из его собратьев по несчастью свалился прямо посреди кабинета. Двое других сидели, привалившись к стене около двери. По щекам ближнего к Полди парня ползли слезы ярости и отчаяния. Странно, но

ему самому не стало тяжелее дышать. Яд словно стабилизировал свое действие. Внутренности по-прежнему сковывал холод, но ухудшения не было. Голос старика раздался совсем близко:

– Итак, что у нас происходит? Ага, наркотик подействовал. Он очень избирательно работает. Для его полноценного всасывания необходим определенный пульс. Если кровяное давление невелико, эффективность препарата падает в разы. Что нужно сделать, чтобы обуздать чужеродного агента в своем организме? Всего ничего – заставить себя не волноваться. Подчинить эндокринную систему мозгу, подавить панику, заглушить инстинкт самосохранения. Взять над ним верх. Это самое важное качество для моего помощника – слушать голос своего разума. Вы справились, поздравляю. Это и был финальный тест.

С первыми словами Полди повернулся на звук, а на последней фразе маньяк снова появился на прежнем месте между шкафами. Полди шарахнулся от него. Теперь маленькая фигурка с карикатурными усами внушала ему ужас. Директор проекта «А–Консент–Д» предостерегающе поднял руку:

– Все кончилось. Не надо пугаться. Я безумно рад, что, наконец, вижу перед собой хоть одного по-настоящему разумного человека. Как ваше имя?

– Полди.

– Меня можете звать Проектировщиком. Впрочем, я твер-

до намерен вскоре сменить прозвище. Как вы находите мою внешность?

– Э–э–э... экстравагантной.

– Ее я тоже сменю. А знаете почему? Я дьявольски боюсь попасть в окуляр истории. Мне хочется остаться невидимкой. Потому что тот объект, который мы создадим, повернет развитие всей земной цивилизации. Равных ему никогда не было и уже не будет. Потому что он призван стать величайшим творением рук человеческих и даже больше. Больше! Не верите, что такое возможно? А зря! Но вся слава достанется не мне и не вам. Мы ищем, мы просеиваем песок человеческих судеб в поисках крупинки янтаря – той личности, которой будет под силу принять на себя всю тяготу миссии – стать тем, чье имя будут вспоминать вместе с названием нашего детища. И мы очень близки. Есть вероятность, что мы его уже нашли.

Полди нерешительно показал рукой на тела остальных кандидатов:

–А что будет с ними?

– Через полчаса все придут в себя. Состав нестойк, он быстро вымывается из организма, – отмахнулся старик. – Хм, теперь можно снять купол подавления сетей...

Едва Проектировщик ввел на коммуникаторе нужный код, как его рамка осветилась сигналом входящего вызова. Полди уже слышал, что всех сотрудников Райского проекта заставляли проходить «де-чипование», поэтому не удивил-

ся. Сам он в свое время отказался от нейро–имплантов. И, похоже, правильно сделал. Директор проекта помялся, искоса зыркнул глазами на Полди, но потом перевел звонок на один из экранов по правой стене. На нем в полный рост проступило изображение молодой женщины, брюнетки с короткой стрижкой. Темно-синяя униформа проекта «А-Консент-Д» смотрелась элегантно на ее подтянутой фигуре. Судя по нахмуренному выражению лица, незнакомка была не в духе. Она окинула взглядом всеобщий погром и презрительно фыркнула:

– Опять тешите себя играми Борджиа? Не надоело?

– Рад видеть вас, Беата. Как обычно – строгая, но все такая же красивая.

– Мы внимательно изучили концепцию всех средних и нижних уровней и находим ее неудовлетворительной. Вы, вообще, в своем уме?! – рявкнула женщина в конце реплики.

– Не уверен, – легко признался старик.

– Бросьте паясничать, Проектировщик. У вас мало резервных источников питания для людей. Вы планируете несколько социальных экспериментов – это прекрасно, но они пойдут на фоне недостаточного снабжения продовольствием.

– А что, разве в древние века было по–другому? – невинно спросил директор «А–Консент–Д».

Он всем своим видом не скрывал, что получает удовольствие от пикировки с девушкой.

– Нет, не по–другому, – терпеливо согласилась брюнетка. – Но у нас построено общество изобилия. Теперь биохимия людей работает иначе. Как вы этого не понимаете? Им будет физически тяжело. Какие могут быть модели поведения, когда вся борьба сразу завяжется на ресурсах?

– Как биохимику, вам, конечно, виднее. Но дорогая Беата, вы через какое–то время сможете оценить все изнутри. Будет такая возможность.

– И я ей воспользуюсь! Не сомневайтесь!

– Я тоже, – тихо сказал Проектировщик.

Экран потускнел. Кандидаты начали подавать признаки жизни. Действие токсина, как и предсказывал старик, прошло. Директор «А– Консент–Д» повернулся к Полди:

– Сейчас мы пройдем на ваше рабочее место. А это, – он обвел рукой кабинет. – Приемная. Вам придется заниматься подбором кадров. И начнете вы с наиболее ценного для нас экземпляра.

– А кроуд–файтинг? – осмелев, поинтересовался новоиспеченный сотрудник проекта.

– Кроуд–файтинг, как ни странно, сыграет тут одну из самых важных ролей. Умеете щелкать пальцами? Хорошо. Входная дверь запрограммирована на этот акустический сигнал. Два раза. Щелк – щелк!

Гл.2. Линия Слика. Любовная позиция номер сто девятнадцать

Мужчины после сорока склонны к опрометчивым поступкам. Так сказал пудель по имени Гиллис из отдела «ПО». Понимаете ли, у нас, джентльменов с проседью, к тому времени уже исполнена репродуктивная функция, выращено жизнеспособное потомство, и внутри просыпается зерно самоуничтожения. Хм, какие странные мысли приходят на ум, когда висишь вниз головой. Особенно после зверского инерционного рывка, от которого мои глаза едва не повисли на зрительных нервах. Потом я еще целую минуту наблюдал в бифокальной перспективе кучу зеленых шариков с оранжевыми ободками.

Вот зачем со мной Творец это сделал? Почему, спрашивается, я пожелал выполнить дополнительный разворот над этой распроклятой рощей? Заметил движение? Решил проверить? И соответственно, моментально получил в фюзеляж какую-то баллистическую дрянь от антропоморфов. У-у-у, проклятые недочеловеки! Зарядить бы им сейчас пару кассет шрапнели, туда, в суставчатый полумрак, где на одну ветку приходится в среднем полторы змеи. Право жаль, что мои стволы уныло смотрят в зенит, а внизу лишь голубой овал кокпита и лесная подстилка на расстоянии двадца-

ти футов. Где-то внутри мозга появилось ощущение легкого зуда. Связь. Или, что вернее, ее отсутствие. Видимо, поврежден передатчик нейросети, и меня потеряли. Я дотянулся до внешнего коммуникатора, и через секунду в кабину во-
рвался встревоженный голос диспетчера базы:

– «Камыш» вызывает Слика! Капитан, вы слышите меня? Ответьте «Камышу»!

– Слик на связи.

– Ваш сигнал неподвижен.

– Я сбит в секторе Танго. Был атакован с земли, совершил вынужденную посадку. В помощи не нуждаюсь.

Последняя фраза вырвалась против инструкции. Тут смешался стыд за допущенную ошибку и желание успокоить своего оператора – дескать, я еще владею ситуацией, ничего страшного не произошло. Впрочем, кому я втираю? Скайховер лежит сбитым селезнем, а это значит, что миссия провалена. В оперативный канал неожиданно врубился старший инструктор Кундис:

– Малыш, отключайся, мы берем его, – это он диспетчеру. – Слик, ну как там?

– Нормально. Любуюсь природой, причем задница находится выше головы.

– Приятель, ты меня не удивил. В штабе так многие ходят. Как обстановка?

– Непринужденная. Ни одной метки на радаре.

– Значит, опасности нет?

– Пока прилетит подмога, я тут подожду со скуки.

– Ладно, я тебя сейчас развеселю, Слик. В воздухе повеяло горными цветами.

– Принял, Кундис.

– Наслаждайся.

– Благодарю.

– Отбой.

Кундис – мой однокашник по подростковому интернату. Не то, чтобы мы были завзятыми приятелями, но пару раз в драках оказывались спина к спине, а это, знаете, очень способствует взаимному доверию. Поэтому, когда жребий судьбы поместил меня инструктором в учебный лагерь «Форекон», где окопался Кундис, я возблагодарил Творца самой искренней молитвой. С его помощью моя работа превратилась в синекуру, а я, в ответ, подогнал старине несколько пригласительных на закрытые вечеринки. Туда, где кучкуются дизайнеры, фотографы и красотки с длинными ножками. Мне самому эти билетки счастья поступали по интимно-культурологическому каналу (об этом позже). На одном светском рауте Кундису удалось зацепить начинающую модель, а на другом – смазливую педераста, который до последнего момента вполне сходил за девицу. В первый раз Кундис отделался расходами на коктейли (пила девчонка, как двугорбый верблюд после длительного перехода) и жестоким похмельем, а второй раз едва не угодил под трибунал, потому что подбил оба глаза гражданскому лицу. Ничего, в

будущем станет вести себя осмотрительней. Говорил же ему: «Если в таких местах видишь у барышни на шее шарфик или платок, лучше не испытывай судьбу, а иди и познакомься с другой барышней».

Ладно, Кундис не обиделся, когда вышел с гауптвахты. Тем более, что я ухитрился заслать ему туда через коменданта пару бутылей рома и блок сигарет. А сегодня старый товарищ любезно предупредил меня о том, что около диспетчерского пульта появился Эдельвейс. Каждый учебный центр обязательно должен иметь собственное страшилище. Такое, чтобы у курсантов тряслись поджилки едва они слышали скрип его ботинок. В «Фореконе» эту роль с блеском исполнял майор Эдель (а для всей базы, само собой – Эдельвейс). Очень цельный характер, так я скажу. Всего лишь две черты – въедливость и раздражительность. Первостатейная сволочь.

Ощутимо запахло жженой изоляцией. Где-то позади тихонько горела проводка, плавилась пластиковые детали. Вот-вот должна была сработать аварийная герметизация пилотной капсулы. Отключив связь, я разблокировал кабину и рывком отодвинул изогнутую прозрачную крышу. Свежий ветерок прошелся по моим щекам. Недопустимо висеть тут и ждать, пока меня, словно консервированного кальмара, извлекут из помятой авиабанки спасатели. Когда придет помощь, я обязательно должен стоять на ногах, вооруженный и готовый дать отпор неприятелю. Тем более что система обна-

ружения целей молчала. Прошло время, когда антропоморфы выходили на опушки леса с плакатами и что-то пытались всем объяснить. Мы быстро охладили их рвение подкалиберными прививками, и теперь они предпочитают по-быстрому нагадить нам и смыться. А в ответ получают огонь на поражение. Такова установка. Я мысленно обратился к внутреннему медицинскому центру. Некоторые из сослуживцев называли интегрированного шеф-лекаря Парацельсом или Авиценной, прочие трогательно приклеивали разные женские имена. Своего я обозначил как Червяка. Он же ползает в моем сознании, не так ли?

– Система динамического гомеостаза стабильна. За последний час предотвращено более десятка ошибочных репликаций. Предположительно – канцерогенез. Индекс гуморальной и клеточной иммунных систем – реактивный.

Проклятье! Я случайно залез в меню функционального отчета.

– Отставить, Червяк! Доложить о неисправностях!

– Наноботы в настоящий момент репарируют поврежденные кровеносные сосуды мозга. Ущерб получен при механическом ударе о стенку черепа...

– Да заткнись ты! Тьфу, отставить! Червяк, у сейчас меня башка лопнет от боли!

– Слик, сообщаю вам о том, что данное положение тела чревато неприятностями в самом ближайшем будущем. Я предотвращаю чрезмерный приток крови в голову, но если

вы не перемените...

– Мануальный режим!

– Вы и так в мануальном режиме. Перешли на него перед тем, как взяли на себя управление хOVEROM «Драгонфлай».

– Дьявольщина!

Я высунул голову за кокпит. Ближайший сук был совсем рядом.

– Для правого запястья режим «Тиски»!

Одной ладонью я крепко обхватил скобу на фюзеляже, а другой отключил протекторы сиденья. Под действием земной гравитации меня тут же втиснуло в страховочные ремни. Глубокий вдох – и мой пояс со щелчком вылетел из креплений, а сам я повис как мартышка, раскачиваясь в пятнадцати футах над землей. Огляделся, пошарил по костюму. О чем я только думал и почему не сделал это раньше? Вот вам – еще один опрометчивый поступок зрелого мужчины. Хорошо, что все на месте. Пистолет-пулемет «Блоуган», личный коммуникатор, а большего мне и не надо. Кисть держалась прочно – на имплантах я мог бы проболтаться на поручне целый час, но нужно было двигаться дальше.

– Левое запястье – режим «Тиски»!

Рывком перенес свое тело к ближайшему суку, перехватился. Моя ногти проскребли по скользкой коре, рука беспомощно соскользнула с нее, и я рухнул вниз, ломая по пути ветви и веточки. При ударе о землю получилось сгруппироваться, перекатиться на бок. Зубы клацнули как у стального

замка, коленные суставы жалобно взвыли, а голова отозвалась ноющей болью. Червяк недовольно прокомментировал мое падение перегрузкой систем. По-моему, он имел в виду тот очевидный для него факт, что я идиот. Ныло плечо, которым я врезался в древесный корень. Пахло сыростью, прелой листвой. Ботинки по щиколотки ушли в зловонную жижу, что с пузырями выступила из лесной подстилки.

Встав на ноги, я вытер грязные ладони о зеленую ткань комбинезона. Пальцы повиновались с трудом.

– Отключить режим «Тиски». Задействовать программу «Охрана»!

Где-то внутри моей плоти расслабились усиленные имплантатами мышцы, а рецепторы – наоборот, пришли в состояние максимального возбуждения. Я же, наконец, смог перевести дух и осмотреться. Снизу живописная роща оказалась больше похожей на плантацию по выращиванию кустов с вариативной степенью колючести. Почти каждое растение при желании могло стать инструктором по самообороне для новобранцев. Часть этих окаянных шипов в настоящий момент засела у меня в униформе, между прочим. Над головой в зеленых декорациях сиял рваный проем голубого неба – след падения моей машины. Вокруг стеной стоял чуждый мне мир, мир дикой Земли, мир, который мы, ее исконные повелители и хозяева, призваны возделывать, искореняя уродство и насаждая красоту и гармонию. Мой скайховер грациозно возлежал на двух соседних стволах, тупым носом упи-

раясь в развилку третьего. Хвостовое оперение было покоржено, с правого крыла беспомощно свисал оторванный кусок ракетного ложементы.

– Наноботами устранены повреждения системы «Сонар» и мозгового коммуникатора, – это Червяк не дает мне расслабиться.

В сознание тут же всплыла проекция окружающего пространства, данные тепло– и инфра–локаторов. Одновременно внутреннее ухо пробуравила отрывистая команда с базы:

– Слик! Здесь майор Эдель. Немедленно дай нам ориентир для посадки!

Ага. Началась спасательная операция по спасению меня. У них есть радар, но инструкция повелевает получить данные и от человека тоже. Анализатор голоса проверит мою искренность. А вдруг на меня уже наставили ствол, и подмога попадет прямиком в засаду? Эдельвейс ни за что не отступит от инструкции, даже если в потерянных секундах будет заключаться моя жизнь.

– Танго, пятый квадрат. Самый центр.

– Принял. Восемь минут. За тридцать секунд проведишь им маячок. Как понял меня?

– Понял удовлетворительно.

– Отбой, Слик.

Экраны радаров по-прежнему умиротворенно поблескивали зеленым цветом. Уровень враждебности среды – ноль, если не считать окаянных колючек. Но я вовремя вспомнил о

подбитом врагом «Драгонфлае» и постарался слиться в единое целое с ближайшим растительным исполином. Кора дерева, к которому я прижался щекой, была склизкая, будто остатки желе.

Успел. Тот парень с крыльями, которому небеса поручили за мной приглядывать всегда имел хорошую реакцию. Раздалось свистящее шипение, как при близком ударе молнии, и ховер мгновенно превратился в пламенный бутон. Земля под ногами качнулась, кору перед самым носом взрезала отлетевшая деталь «Драгонфлая», а через несколько секунд вокруг начался листопад и грязные лужи зачавкали падающими осколками. Что за дела?! Откуда они бьют? Я рухнул на землю, захлопнул забрало «Коллара» и взгляделся в экран. Визор тактического шлема не выдавал ни одной красной точки. Крутанул назад. Тоже все чисто. Звонкий щелчок рикошета заставил меня вжаться в подстилку. Пуля ударила в «Коллар» по касательной. Это потому, что я все время вертелся. «Блоуган» застучал в моих руках короткими очередями. Я бил в направлении возможной директрисы выстрела, не прицельно.

– Червяк, сними со шлема данные о характере повреждения!

В такой ситуации неплохо знать, из чего тебя приложили. Это повышает шансы выжить.

– Команда выполнена. Зафиксировано кинетическое попадание в броневую пластину «Коллара». Выстрел предпо-

ложительно произведен из снайперской винтовки «Свифт», патрон серийный. Активировать защиту экзоскелета?

– Да, черт возьми!!!

Мой костюм лязгнул, превращаясь в панцирь. Да что толку? Для «Свифта» это не проблема. И словно в подтверждении моих слов, сначала последовал резкий толчок в левое плечо, а потом нахлынула боль.

– Слик, вы находитесь под огнем.

– Спасибо за информацию, Червяк. Очень своевременно.

– Зафиксировано сквозное ранение в левую часть трапециевидной мышцы, пробита лопатка. Ввожу анестетики, завариваю сосуды, чтобы избежать кровопотери.

– Премного благодарен, – процедил я, в паузах между выстрелами.

Сверху снова посыпалась листва и ветки, срезанные очередями.

– Против вас задействовали ручной пулемет «Чаплет».

Ясно. Нужно менять позицию. Я, заранее сжав зубы в предчувствии боли, перекатился за соседнее дерево, а потом ужом пополз влево. Но мир не взорвался для меня раскаленными звездами, лекарство подействовало очень быстро. Вот удобное местечко. Сплетение толстых лиан образовало передо мной почти идеальное укрытие с широким сектором для стрельбы. Я аккуратно выглянул из-за него. Опять ничего. Стоп! А это что за размытые, почти не видные глазу пятна?

– Червяк! Отцифровка и нумерация объектов в панора-

ме! Та–ак... Выделить по контурам объекты семь, восемь и одиннадцать. Ах, вы твари грязные!!!

Именно, что грязные. Неизвестно, чем эти ловкачи вымазали свою амуницию, но в анфас они вообще не просматривались. Лишь в профиль. И то едва-едва. Три фигуры скрылись около ствола с уродливыми воздушными корнями. Вот один из размытых силуэтов поднялся, сделал осторожный шаг вперед. Ага. Потеряли мишень? Или желаете добить?

Я быстро переключил подствольник «Блоугана» на термобарический боеприпас и произвел пуск гранаты. Жаль, что детонация произошла не между ними, куда я, собственно, и метил, а чуть в стороне. Видимо ракетный патрон задел какой-то сук. Сначала хлопнул воспалительный заряд, а потом мой визор ослеп от яркой вспышки. Область избыточного давления и сверхвысокой температуры всегда смотрится на экране очень эффектно.

– Подтверждаю контакт с противником.

Теперь я и сам отчетливо видел врагов на тепलोлокаторе. От пламени вся их маскировка выгорела мгновенно.

– Объект номер восемь уничтожен. Повреждения не совместимые с жизнью. Объекты семь и одиннадцать имеют ранения средней тяжести.

И я снова пополз, обходя их левым полукругом. От соседнего дерева высунулся на миг. Где там мои новые знакомцы? Но было уже поздно – они отходили, теряя бруснично–теплые капли. Я для острастки дал вслед несколько очередей.

– Два попадания.

Да что толку? «Блоуган» – оружие ближнего боя, а у этих специалистов костюмчики явно не хуже моего. Пули на пути к цели посшибали невесть сколько листьев и сучков, поэтому не причинили им никакого вреда. Наверняка их броню с такого расстояния пробьет только штука, на вроде «Свифта». Которой со мной не было. И времени тоже не было, потому что сработал таймер.

– Тридцать секунд до подлета спасательной группы.

Мой пистолет выплюнул в воздух шипящую трассу маячка. Очень скоро сверху послышался авиационный гул. Первым, проламывая зеленую гущу, опустилась палевая туша «Брока» – десантного модуля. Ветер от его винтов еще не успел улечься, как вместительное чрево транспортника разверзлось, и из него, рассыпаясь в цепь, выпорхнула группа веселых зеленых человечков со штурмовыми винтовками «Спайрон» наперевес. Вполне убойная штукovina, широкоугольный прицел и пять видов боекомплектов. Ребята мгновенно заняли позиции, и вперед выдвинулся «нюхач» со сложным комплексом обнаружения. Этот возьмет след даже по запаху перегара, причем сразу сможет сказать, есть ли у антропоморфов кариес.

Следом за авангардом, лениво разбрасывая вокруг ложные тепловые цели, спланировал медицинский скайховер «Васп».

– Отключить все программы! – спохватился я, и мой на-

шпигованный биотехнологией организм мгновенно повиновался. – Произвести обмен данными «Колларов» с командиром отряда.

Два санитары хотели сразу взять меня в оборот, но я дождался старшего группы – невысокого офицера в полевой рейнджерской броне. Нашивки на плече сказали мне, что передо мной капорал, а более ничего я узнать не смог, поскольку парень даже не поднял забрало шлема.

– Контакт с тремя антропоморфами. Один обезврежен, двое ранены и пытаются скрыться. Будьте начеку. Там пулемет и снайперская винтовка.

Офицер кивнул:

– Стандартная диверсионная тройка. Боец с тяжелым вооружением, снайпер и пулемет прикрытия. Ладно, время дорого, мы начинаем преследование.

– В добротную сбрую они упакованы. Полностью экранирует на сканере. Я их проявил, когда поджарил, но все равно не рискуйте, используйте управляемые ракеты.

– Не подходит. Эдель хотел получить живым хотя бы одного, а лучше обоих, так что попробуем больше не дырывать объекты.

– Удачи.

Все, теперь можно отваливать. Дальше ищейки обойдутся без меня. Они скрытно проследуют за антропоморфами до их логова, обозначат его метками на картах, после чего профессионально проведут операцию по задержанию бунтовщи-

ков. Или вызовут подкрепление. Это зависит от того, куда приведут следы диверсантов. Может нам посчастливится накрыть их опорную базу?

А началось с планового облета сектора. Когда я получил приказ провести рекогносцировку, то даже и подумать не мог, что дело закончится перестрелкой, в которой мне самому проштопают шкуру. Моя предыдущая нашивка за ранение датировалась бирманской командировкой. С тех пор минуло уже почти восемь лет.

Санитары предприняли отчаянную попытку уложить меня на носилки, но я пренебрежительно отмахнулся и устроился рядом с пилотом «Васпа». Зачем делать из капитана Слика посмешище? Червяк самостоятельно ликвидировал кровопотерю, а обезболивающее я и так получил. Вполне могу дотерпеть до госпиталя, без неотложных реанимационных процедур. Медики решили не настаивать, потому что знали – инструктор Слик не терпит, когда ему докучают. Такова моя репутация в «Фореконе» и я не жалею матюгов, чтобы ее поддерживать.

Всю дорогу до базы пилот вертолета спал, доверив управление системе навигации. Это был знающий толк в службе старый солдат с располагающей внешностью ободранного ежа. Его бесцветные глаза равнодушно просканировали мою фигуру, после чего боец нажал на запуск движка, ввел полетную программу и отрешенно отвалился на сиденье. Все ясно – ветеран отпахал свое на переднем крае и

теперь дотягивал возрастной ценз, получив тепленькое местечко в медслужбе.

Едва дикий ландшафт леса отрезала широкая нейтральная полоса, наш скайховер резко нырнул вниз. Этот болван даже не почесался взять на себя «мануалку», в результате чего автомат заложил лихой противозенитный маневр на радость всех диспетчеров. Мы приземлились на площадку возле терминала госпиталя. Воздух пронизывал низкий гул авиационных винтов. Его движение приносило флюиды горячей смазки – одного из ароматов войны, что будоражат кровь лучше всяких фармпрепаратов. Высоко в небе воздушный горизонт был истыкан черными точками дронов. Время от времени беспилотники вспыхивали искрами разрядов – так они реагировали на пролетающих птиц и даже насекомых. Ну как реагировали – просто глушили живность импульсными стрекалами, и поэтому у нашего внешнего периметра беспрестанно сновали механизмы и вольнонаемные – подбирали сбитую органику для биоконвертера. Можно сказать, что на служивых «Форекона», постоянно лился дождь из дерьма и всяких останков. Очень чувствительные штуковины эти дроны. Их задача – не дать проникнуть внутрь гражданского сектора ничему живому через небесную потайную калитку. За «агрессорами» с импульсными пушками в воздухе висел шахматный порядок «дезинфекторов». Их цели не хлопали крыльями и не жужжали, а струились с потоками ветра. «Дезинфекторы» отсекали чуж-

дые нам бактерии и вирусы. Это, потому что база «Форекон» находилась на остром зубце 35-го арриала, почти пограничного района. Отсюда подготовленные ей бойцы отправлялись прямо на передовую, сюда же отводились части на переформирование. С кем же мы столь ожесточенно воюем, возникает вопрос? А противник у нас очень серьезный. Планета – прародительница собственной персоной. Возмужавшее человечество заявило матушке-Земле: «Все! Баста! Никаких больше пандемий, коралловых аспидов и малярийных москитов. Надоело! Отныне игра идет по нашим правилам». Нет, почти все животные, конечно, останутся. Только после генетической обработки, они перестанут нас кусать и разносить опасные болезни. В мире наших детей не будет медведей-людоедов и смертоносных медуз. Карапуз сможет искупаться в одной ванне с португальским корабликом без всякой опаски. Род людской встанет над эволюцией. По всей Земле там и сям уже появляются оазисы новой жизни – Райские парковые зоны. Там красиво, комфортно, безопасно. Эдемские островки станут расширяться пока не поглотят всю поверхность планеты целиком. Такова наша идеологическая доктрина. Конечно, не все люди в Метрополии поддержали ее. У каждого великого замысла найдутся скептики, завистники и открытые противники. Последних, тех, кто рискнул вступить с цивилизацией в открытое противоборство лишили звания людей и теперь именуют антропоморфами. Несмотря на очевидную бесполезность их борьбы эта

организация нам крепко досаждают. И снаружи, на передовой, и внутри Метрополии. Мерзавцы тщательно конспирируют свою деятельность, но в мире чипов, нейросети и меток–арфидов мы рано или поздно доберемся до каждого отщепенца. В этом не может быть никаких сомнений.

Мой вклад в общее дело – работа с гражданскими волонтерами, что прибывают к нам по линии культурологического центра. Служба не пыльная, потому что обучаются штатские на виртуальных тренажерах, а роль капитана Слика сводится к нескольким лекциям на тему моральных ценностей и напутственной накачке перед миссиями. Миссии у добровольцев, как правило, чрезвычайно важные и ответственные – собирать дерьмо после трех степеней зачистки. Кроме того, я посильно участвую в прочих общебазовых делах, типа сегодняшней воздушной разведки. Конечно, у нас полно дронов, которые постоянно барражируют над секторами. Каких беспилотников там только не летает – от ударных до целеуказателей и постановщиков помех. Но личное наблюдение всегда дает больше сведений. Человеческий глаз, особенно в тандеме с подходящим мозгом способен заметить то, что наверняка пропустит машина. Правда, кроме сведений, нынче мы получили выстрел из ЗРК в фюзеляж моего «Драгонфля».

Ох, и вой теперь поднимется! До самой столицы. А это значит – будет полноценная фронтовая операция. Внимание прессы и все такое. В штабе, наверное, потирают руки. У службистов «Форекона» появилась возможность отличиться

в резонансном деле. Для общественности это – триумф закона и очередная победа наших военных, а для самих военных – лычки, нашивки и новые звания. Все довольны.

До восстановительных капсул мне оставалось ступить лишь пару десятков шагов, и я проделал их ногами, вопреки нытью санитаров.

Госпитальный зал «Форекона» походил на змеиную кладку, как их показывают на каналах о природе. Только яйца блестели пластиком и были отложены рептилией величиной с жилой дом. Я проследовал за медиком к нужному кокону, поднялся наверх по стальной лесенке и, стараясь не треснуть левым плечом, улегся в ложе старшего брата Червяка – Реабилитационного Автономного Модуля, или, как мы выражались – «вписался в РАМку».

Вся процедура заняла не более часа. Напоследок сканер прошелся по мне полосками теплого света, а компьютерный диагност выдал вердикт:

– Раневой канал чист. Реабилитационный процесс проходит нормально. Полное выздоровление наступит через тридцать шесть часов. Внешний приоритет над встроенным медцентром «Червяк» снят.

На этих словах я выплюнул загубник и вытащил изо рта трубку с подачей увлажнительной жидкости. Верхняя половина «скорлупы» мягко отъехала в сторону.

– Свободен! – торжествуя возгласил я и сел, но механический голос вернул меня на место:

– Пожалуйста оставайтесь неподвижным до окончания перевязочной процедуры.

Ложе подо мной приподнялось, выпуская инъекторы и бинтовой валик. Если бы я не находился под анестетиками, наверняка бы почувствовал, как на входное и выходное пулевые отверстия накладывается заживляющий состав, после чего мое плечо было аккуратно покрыто несколькими слоями бинта.

– Перевязочная процедура завершена. Пожалуйста исключите из своего рациона алкоголь до завершения процесса репарации тканей.

– Много ты понимаешь, – пробурчал я, вылезая из медицинского яйца. – В армейском рационе.

– Кое-что «РАМ» все-таки понимает, – раздался снизу голос. – Сигналы синапсов должны быть чистыми, а спиртное блокирует нервные импульсы.

С удивлением я узрел рядом со своей «скорлупой» кудрявого начальника службы «ПО» Гиллиса. «ПО» – одновременно и Программное Обеспечение, и Психологическая Обработка. Понятия тесно смыкаются и кто-то там, наверху, видимо, решил их не разделять.

Властитель наших тел и душ отличался незлобивым нравом, а также пристрастием к экзотическим головным уборам. Несмотря на то, что в помещении было тепло, сегодня Гиллис упаковал свою луноликую физиономию в очередную забавную треухую кепку, от чего теперь походил на

туго зашнурованный арбуз. Его личный диагностический короб, как всегда, болтался сбоку, на матерчатом ремне.

– Как дела, Слик? – дружелюбно поинтересовался он.

– Грандиозно. В джунглях надумал было наложить в штаны от страха, но сфинктеры, усиленные вашими молитвами, выдержали.

Док уцепил меня за руку, привычно закатал левый рукав комбеза, откинул предохранительную заглушку на запястье и воткнул в гнездо штекер своего волшебного чемоданчика.

– Да меня же только что просветили по полной программе, – простонал я.

Но Гиллис, как обычно, не обратил внимания на мою реплику. У начальника «ПО» имелся собственный «пунктик» – иногда проверять работу санитарных капсул. Он поводил пальцем по дисплею, с умным видом пожевал рыбью губу:

– В целом – все в порядке. Импланты на коленях поизносились, я запишу тебя на замену в следующем месяце.

– Сердечно признателен, док. Когда я потом буду скрипеть суставами с подружкой в своей берлоге, вспомню вас с благодарностью.

– Я сбросил ошибки в процессоре лекаря. Погоди, не дергайся... качну тебе в кровь свеженькую порцию наноботов. Эти – модифицированные и служат вдвое дольше.

– Отдельное спасибо, Гиллис. Скоро я уже начну светиться, как полноценный торшер? Или хотя бы, как захудалая

лампочка? Мне, правда, надоело зажигать свет в сортире. Опять же – экономия для Метрополии.

– Ладно, капитан. Заканчивай резвиться. В сводках об операции ты, конечно, герой – в одиночку атаковал диверсионную группу противника, но я называю такое поведение безрассудством. Помнишь наш разговор?

– Ни на секунду не забываю.

Хм. «Мозгоправ» определенно начал возводить подкоп в районе бруствера моей репутации. Не по душе мне его вежливые замечания. Надо бы попробовать вести себя приличней, а то так и под врачебную комиссию недолго угодить. Пока мы топали на выход, Гиллис успел выдать еще несколько глубокомысленных замечаний, относительно моей психологии, над которыми я предпочел не задумываться.

– У тебя скрытый темперамент, Слик, – заявил он, опуская вниз дверную ручку. – Ты разносторонне развит, образован, хотя любишь изображать из себя солдафона.

– Вам, штатским, не понять, но в армии это называется «без рассуждений выполнять приказы командования», – фыркнул в ответ я.

Гиллис вновь пропустил мои слова мимо ушей:

– Ты способен на большее, Слик. Вопрос лишь в полярности твоего внутреннего «я», которое ты предпочитаешь утаивать. Темное оно или светлое?

– Предлагаю сделать спектральный анализ, – с этими словами я шагнул наружу. – Счастливо, док!

В «Фореконе» мне осталось сделать самое ответственное – разыскать Эделя, чтобы получить итоговый приговор по «ЛюдЖо». «ЛДЖ» – «Лидерство, Дисциплина, Жесткость», наш динамический диплом офицера. Его три зубца – показатели профпригодности командного состава. Средний пик Дисциплины на моем горном перевале графика «ЛДЖ» в последнее время как-то просел. И сегодня я не ждал в нем прогресса. Эта скотина наверняка найдет, к чему прицепиться. Поэтому мне и хотелось пообщаться с майором лично. А вдруг жестокосердное чудовище дрогнет, когда взглянет в мои честные глаза?

Напрасные надежды. Эдель смотрел на меня исподлобья и, судя по всему, не испытывал ни малейших иллюзий в том, что я и армия – два несовместимых понятия. Тяжелые надбровные дуги придавали ему вид встревоженного орангутанга. Майор не стал себе отращивать модную начальственную долговязость, а предпочел остаться ниже большинства своих подчиненных. Этаким подсушенный примат с запавшими глазами покойника.

– Почему не катапультировался?

– Пытался спасти аппарат, сэр.

Он принял меня в своем кабинете, который напоминал фасетчатый глаз насекомого изнутри – сплошные экраны. По некоторым ползли донесения, остальные ритмично переключались между визорами тактических шлемов. Пока он думал над следующей фразой, я успел понаблюдать за разви-

тием нескольких наших боевых и тренировочных операций.

– Значит инструкции пишутся не для тебя, капитан?

– Майор, меня бы расстреляли, как рябчика эти парни, пока бы я парил над лесом на реактивном ранце.

Эдель хмуро опустил голову.

– Возможно.

И тут же задал следующий вопрос:

– Слик! По–твоему, чем тебя сбили?

– Откуда мне знать? Могу лишь предположить, судя по характеру повреждений, что удар пришелся в хвостовую часть.

– А задействовать систему диагностики хове́ра ты, конечно, не догадался? – со всем, отпущенным ему от природы сарказмом, поинтересовался мой начальник.

– Не имел на это времени. К тому же моя нейросеть была повреждена...

– Ты даже не сделал ни одной попытки!

– А сделал бы, то как раз попал бы под их второй залп, сэр! – не утерпел я.

Да кем он себя вообразил в конце концов? Заместителем Творца по огневой подготовке?

– Слик, ты – инструктор тренировочной базы, а сам постоянно проявляешь авантюризм и поспешность в решениях. Не катапультировался, не проверил систему, вступил в бой без поддержки. А насчет второго залпа... Вернемся к их оружию. Нет идей, чем тебя зацепили?

Я пожал плечами:

– Может быть, переносным ЗРК?

– Гениально. Откуда он у антропоморфов? В тебе здравомыслия не больше, чем в анчоусе, Слик. Клатчером!!! Хо-вер срубили направленным лучом клатчера! Это можно было понять даже взрыву! Пошла молекулярная реакция, а потом сдетонировали боеприпасы. И никакого второго залпа!

Мне не нужно было обращаться к внутреннему банку данных, чтобы припомнить, что есть клатчер. Их применяли геологи, как средство для формирования рельефа. Ими удобно распылять булыжники или целые пласты земли. Похоже, что мне крепко подфартило. Или кто-то плохо умеет пользоваться своим оборудованием. Прицельный выстрел подобной штуковины легко мог разложить мою персону на сотню маленьких сликков. Но все же ответ на выпад майора у меня имелся. И неплохой ответ.

– Сэр, мне некогда было анализировать их технологию. Но что касается вопроса, откуда у антропоморфов мог взяться ЗРК, то попробую высказать предположение – наверное они были в состоянии прикупить его там же, где обзавелись винтовкой «Свифт», пулеметом «Чаплет» и специальными отражательными камуфляжами.

Выпад пришелся в точку. Эдель прорычал:

– Свободен.

Вот так. И никакой благодарности за проявленное мужество в бою. Наоборот, в спину мне полетели обидные слова:

– Слик, их камуфляж работает только в статичном режи-

ме. Поэтому, они не стали бы преследовать тебя. Все, что нужно было сделать в данной ситуации – уйти с линии огня и дожждаться подкрепления. Но это, конечно, было выше твоих сил.

Я обернулся:

– Но ведь все получилось!

– Сегодня – да. А завтра твоему примеру последует кто-нибудь из солдат и, не будучи чертовски удачливым сукиным сыном, погибнет зазя. Ты – инструктор, командир, а не герой-одиночка, – с горечью произнес Эдельвейс и повторил. – Капитан Слик, вы свободны. Двое суток на лечение, потом явитесь в санчасть.

– Слушаюсь, сэр.

Очень обидно. Тем более, что в словах старого служаки была немалая толика правды.

Я набрал номер Кундиса, а он ответил, что находится рядом с полосой препятствий. Чтобы попасть на тренировочный плац, мне пришлось прогуляться почти через всю базу. Я видел, как на спортивной площадке занималась толпа новобранцев, все, как один, по пояс голые, но в штанах и тяжелых армейских ботинках. Когда-то и я сам так же подрыгивал под зычные команды сержанта-инструктора. В учебных корпусах шли занятия, со стороны тира слышалось злобное рывканье штурмовых винтовок. Вообще сегодня в «Фореко-не» было необычнолюдно. Очередная фронтовая ротация?

Тощую фигуру своего однокашника я заметил издале-

ка. Вытянутая физиономия Кундиса всегда выражала озабоченность и жуткий дефицит времени. Бойцы часто гадали, сколько ему лет, время было не властно над его выскобленным бритвой черепом, отчего молодежь иногда за глаза шуточно величала моего приятеля Вечным Жидом. Кундис всегда знал больше всех, служил на «Фореконе» с самого мезозоя и держался с солдатами запросто. А те почитали его больше поваров, вместе взятых.

Когда я подошел к Кундису, он увлеченно разносил како-то ветерана. Парень имел форму штурмовика и лицо, покрытое десятком шрамов. Все его плечо занимали нашивки за ранения. Рядом с ним стоял молодой медик и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Много о себе полагаешь! Он – мастер-сержант, дьявол тебя побери! Ты хоть понимаешь, кого послал?! Или ты скакнул через два звания, а представление еще не пришло?

– Сэр, никак нет, сэр.

– Готов принести извинения? Я поговорил с Мидгейтом, он согласен не раздувать дело.

– Так точно. Я извинюсь, что сказал мастеру-сержанту: «Сэр, вы ни черта не понимаете в службе, сэр!».

– Хорошо. И внешность, – Кундис повернулся к медику. – Можно с ним что-то сделать или пусть остается таким же уродом?

– Я предложил рядовому ввести наноботы на восстановление кожных покровов, но рядовой отказался.

Кундис смерил взглядом штурмовика. Лицо того осталось бесстрастным, как иссеченная вековыми ветрами каменная статуя.

– Ладно. Похоже, что тут уже ничего не исправишь, – старший инструктор заметил меня и рыкнул. – Марш в распоряжение своего взвода, солдат. И чтобы я неделю о тебе не слышал. Ни плохого, ни хорошего!

Медик, поняв, что он тоже не нужен испарился рассветной дымкой. Кундис же мотнул головой в сторону удаляющегося бойца:

– Видел красавца? Штурмовой батальон «Навал» перевели к нам на переподготовку. И судя, по всему, парней впереди ждут не танцы под пляжными тентами.

– А на что их натаскивают?

– Вскрытие эшелонированной обороны, действия в окружении и рейды вглубь вражеской территории.

– Ого. И где такое возможно? Мы же их почти раздавили.

– Честно? Сам задаюсь такими же мыслями. Тебя уже заштопали?

– Угу.

– Хорошо. Ладно, гляну, что там тебе насчитали, – Кундис отцепил от лацкана мундира коммуникатор и полистал информацию на экране. – Общий индекс «ЛДЖ» у тебя в пределах нормы – двести шестнадцать, но Дисциплины осталось пятьдесят три пункта. Советую срочно стать хорошим мальчиком, если не хочешь вместо нового шеврона в петли-

це угодить под полную переаттестацию. Зато Лидерство теперь – девяносто. Поднимем до двух нулей? Получишь поощрение за максимальный балл.

– А что нужно для этого?

– Проведешь развод? Зачистка третьего уровня. Песочница для малышей. Их как раз строят на восьмом плацу. Справишься?

– Конечно. А смысл?

– Ты же в перевязочном реестре, чувак. Получил ранение, но остался в строю. Эдельвейсу деваться некуда будет. Давай двигай, а у меня дела. Позже созвонимся.

Пока я неторопливым шагом добирался до пополнения, у меня было время обратиться к вживленному накопителю данных. Там у нас хранилась информация обо всем – от боевых систем оружия и пилотирования всех видов техники до строевых уставов. Развод – чистая формальность, основное задание им уже сбросили. Так, дань традиции. Обычно офицеры общаются с подчиненными подчеркнуто официально, а нарочитая грубость – атрибут колоритных сержантов учебных лагерей, но для порученного дела я выбрал из электронной памяти именно унтер–офицерский мотивчик. Им сейчас нужна моральная накачка, а не снисходительное презрение старшего по званию. Молодняк стоял навтыжку и, как положено, ел синтетическое покрытие плаца глазами.

– Всем слушать меня! – официальное представление я счел излишним. – Вы выдвигаетесь на вспомогательную за-

чистку. Это значит, что вам положено истреблять на своем пути все, что крупнее хомяка. Следом пойдут волонтеры с биопылесосами для органики, и я не хочу, чтобы эти славные люди бегали по кустам за пропущенными вами живыми кроликами. Ясно?

– Так точно, сэр! – рявкнула живая гусеница солдат.

– Не смей ненавидеть природу. Мы веселые гиганты, мы даже убиваем с любовью и приятной улыбкой на устах. Любая враждебность претит нам, как и расстройство желудка! Прополотая вашими винтовками биомасса пойдет в лаборатории синтеза и фабрики по производству ингредиентов для нашего Рая. Мы переработаем генетический мусор и создадим из него новые прекрасные формы животных и растений. Помните об этом, – я сделал шаг к передней шеренге и обратился к крайнему справа бойцу. – Как твое имя, сынок?

– Рядового зовут Килтом, сэр.

– Шотландец? Или имеешь причиндалы, как у жеребца?

– Ответ отрицательный! Причиндалы рядового находятся в пределах стандартов, сэр!

– Твой уровень Меткости, Килт.

– Девяносто четыре, капитан, – глаза парня сверкнули гордостью.

– Отлично. Пойдешь во втором эшелоне. А ты, пресмыкающееся? Ты тоже – снайпер? – грозно прорычал я следующему солдату.

– Никак нет, капитан. Уровень Меткости рядового состав-

ляет шестьдесят пунктов.

– Ага, значит, если ты будешь целиться в случайную кучу навоза около моих ног, то даже не сумеешь забрызгать мои исключительной чистоты ботинки. Твое место – первый эшелон. Всем понятна логика? Второй ряд должен быть достаточно метким, чтобы быстро дострелять пропущенные авангардом мишени и не вклепить пулю между лопаток своему сослуживцу впереди. Взводному – проконтролировать!

– Так точно, сэр, – отозвался румяный здоровяк с левого фланга.

– Удачи на позициях, молокососы.

Они, до бровей накачанные адреналином, отозвались восторженным животным ревом. Я напутственно улыбнулся, отсалютовал правой рукой и с чувством удовлетворения собой отправился к выходу из базы.

До городка, что примыкал к «Форекону» я добрался на имплоере. Этот пассажирский многочлен на триста посадочных мест мотался маятником между учебным армейским центром и ближайшей станцией глобальной подземки. При желании на метро можно было объехать всю Землю. На это ушло бы чуть более двух недель, если совсем не спать и есть на ходу. На конечном пункте имплоер уже поджидала изрядная толпа народа. Рекруты, без сомнений. Все теперь хотят в армию. А знаете почему? Кроме высшего гражданства, всевозможных льгот и благосостояния, служба еще дает полную медицинскую страховку. В которую входит «чипование»

твоего организма. Ну и что, спросите вы? Какой от этого прок? Все просто – это гарантированное здоровье и долголетие. Мы не бодем. Нам одинаково плевать на грибок стопы и инвазию метастаз. Наши наноботы мгновенно разорвут в клочья любого чужеродного агента, залатают лопнувший в головном мозгу сосуд, понизят уровень сахара в крови и остановят ползущий к сердцу тромб. А встроенный шеф-лекарь так перестроит иммунитет, что он сможет игнорировать импланты и наноботов, воспринимая их, как часть организма. Медицинская страховка заканчивается в восемьдесят восемь лет, и мы точно знаем, сколько проживем, потому что мало кто протягивает после нее более полугода. Но восемьдесят восьмой день рождения мы отметим в полном здравии. Это – сто процентная гарантия. Поэтому все теперь хотят в армию.

Городок, в который я приехал, носил название «Термини – 35Е». «Е» разворачивалось в «Евразия», а слово «Термини» обозначало принадлежность к приграничной зоне. Как и комбинезоны его жителей, среди которых преобладали оттенки зеленого. Потом, когда мы отодвинем джунгли, создадим для людей район благоденствия, обыватели переоденутся в профильные одежды по специальностям и проголосуют за новое имя. Оно наверняка будет красивым.

Только вчера тут открылся небольшой участок Райской парковой зоны, и мне не терпелось посмотреть на него вживую, без восторженных слюней информационных каналов.

Спрыгнув на ходу с неторопливой пешеходной дорожки, я с неожиданной для себя робостью шагнул за ворота благоустроенного уголка природы.

Здесь даже привычное солнце светило по-особенному. Чистым изумрудом искрилась трава, мелодично шелестела листва на могучих деревьях. Все тут навевало умиротворение. На дорожках толпилось немало зевак. Вот один сопляк исподтишка исследовал взглядом мою униформу и принялся взахлеб заливать приятелю, как он горд быть причастным к великому делу перестройки планеты. Второй в ответ соизволил выразить восхищение временем, в которое довелось жить им обоим. Я хмуро покосился на хлюпиков. Наверняка держат курс к пункту вербовки. Ничего, там сидят такие тертые типы, что мгновенно просканируют обоих на предмет их истинной лояльности к обществу. Чтобы отогнать ненужные в таком месте отрицательные эмоции, я наклонился к благоухающему цветочному кусту. По ярко-синим лепесткам деловито ползала янтарная пчела. Я подставил пальцы, и насекомое доверчиво перемаршировало через мою ладонь и вернулось обратно к своей кропотливой работе. С поляны неподалеку послышался детский восторженный визг. Это стайка малышей докучала огромному, насупленному бурому медведю. Ребяшня трепала ему уши, а несколько особенно бойких карапузов старательно пытались забраться на массивный огузок. Мишка недовольно ворчал, но терпеливо подставлял бока карапузам. Рядом стояла стройная воспитательни-

да в довольно–таки короткой серой юбке и следила за своими подопечными с милой улыбкой на свежем личике. Я засмотрелся на девушку, даже мелькнула мысль – подойти и представиться, но потом одернул себя – она же при исполнении, зачем отвлекать. Приказал Червяку сделать «скрин» – найду ее потом по сети, если не пропадет охота свести знакомство. Желудок урчанием напомнил, что он у меня есть, и я заторопился домой. Пора подкрепиться и приступить к любимому занятию военного – заслуженному отдыху.

Я спустился в муравейник подземки, перешел по эстакаде на нужную линию. Пол под ногами слегка вибрировал – где-то неподалеку работала проходка, вгрызаясь в недра планеты и прокладывая необходимые для «Термини – 35Е» системы коммуникаций. Люди всего лишь два года назад начали осваивать этот «арриал». Раньше здесь был дикий угол, поросший влажным тропическим лесом с проплешинами болот. Теперь на месте природной несурязицы разрастался благоустроенный для комфортной жизни людей город с живописными спальными районами, спортивными сооружениями и Райскими парковыми зонами.

Поезд тронулся, плавно набирая скорость, с которой столетие назад летали боевые самолеты. Из-за обилия остроконечных капюшонов вагон стал похож на шабаш неизвестной секты. У штатских в эти колпаки вмонтированы наушники, ими, как пластиковыми ложками они хлебают медийную кашу и прочий информационный фаст–фуд. От нечего делать

я открыл доступ в свою нейросеть для центрального новостного канала. Вещали про законопроект об отмене родовых имен, доказывали, как важен он для следующего витка развития общества. Может и важен, мне-то, что с него? Это их гражданские дела, нам, военным, такие вопросы без разницы. Я переключился на Райский проект. Тут всю трепали языками о создании зон природосферы. Предлагали вырезать из нашего пространства несколько территорий, куда не будет ступать нога человека. И все для того, чтобы сохранить там биоценоз Земли в изначальном виде. Хотел бы я посмотреть в глаза умнику, что предложил такую нелепицу. И пусть не отворачивается! В эти оазисы первозданности мигом со всей планеты стечется всякая антропоморфная шваль. Кто будет ее оттуда выкуривать? Конечно, армия. С боями и потерями. Надеюсь, автора этой гениальной задумки морально распнут на ближайшей Ассамблее. Я в сердцах отрубил связь и принялся разглядывать своих совагонников.

Напротив моего сиденья безвольно привалился к вертикальному поручню молодой парень. Его глаза были закрыты, но веки лихорадочно дергались, словно в мышечном треморе. Он или смотрел фильм по нейросети, или рубил каких-нибудь монстров в виртуальной игре. Остальные люди бросали на юношу неодобрительные взгляды. Раньше, когда «чипование» только входило в моду, такие развлечения были очень популярны, но потом медики издали манифест, что чрезмерные нагрузки прилично сушат мозги. В дома тут же

вернулись информационные панели, а в комбинезоны – наушники, и с тех пор публичный просмотр картинок воспринимался так же, как если бы этот парень решил прямо в вагоне справить малую нужду.

Моя квартира находилась на окраине города. Жилой блок был смешанным – это значит, что там наряду с военными, жили также и гражданские лица. Между прочим, весьма удобно в плане знакомств и приятного досуга. Уже на подходе к дому со мной по нейросети связался электронный секретарь с позывным «Хибара» и запросил распоряжения. Я дал добро на стандартную установку – «плюс двадцать», ужин, мягкий свет. На прямоугольном табло над дверью в подъезд сияли ослепляющие разум цифры: 273 000. Столько квадратных миль нам еще предстояло взять под контроль в материковой Евразии. Я помню времена, когда этот параметр измерялся в миллионах и казался недостижимым. Двадцать лет старушка сопротивлялась нам, но теперь счет пошел на месяцы. А потом? Потом мы покатаем на экскурсию в жаркие края. Америка давно обустроена, дело за Африкой и Австралией. После останется аппендикс в десяток тысяч островов, и нужно будет думать, что делать с Мировым океаном. Как следует примериться, прежде чем взять за шиворот старого деда Нептуна с его тайфунами, цунами, медузами и ядовитыми морскими змеями. Но мы справимся. Нас теперь ничто не испугает, а даже если и испугает, так Червяк быстро впрыснет в кровь нужное количество препаратов для

ОПТИМИЗМА.

Дома, после очищающего тело и мысли душа, я быстро проглотил порцию китайской утки с капустным салатом и разлегся на софе, задрав босые пятки прямо на стену. Конвертер в углу плотоядно пережевывал одноразовую посуду. Я включил информационную панель. В сводках сообщали о новых достижениях строителей Рая. За последнюю неделю к площади ноосферы прибавился приличный кусок завоеваний. Про антропоморфов ничего нового не было, разве что несколько мелких каверз. Не то, что десять лет назад, когда первопроходцам приходилось вести с этими несчастными настоящие баталии с нервной стрельбой и непрерывными переговорами. Мне довелось хлебнуть неприятностей с изгоями общества во время бирманской командировки. Как же они тогда ожесточенно сражались! Мы шли вперед по их трупам и непромокающим агитационным листовкам. Зато теперь те, кто не принял нашу доктрину, наконец-то уразумели, что с ними более никто не собирается дискутировать, и прекратили бесплодные попытки завязать диалог. Сейчас нам противостояли лишь группы фанатиков, а остальные предпочли раствориться на дикой территории или перейти на нелегальное положение. Бессмысленная борьба одиночек с колоссом Метрополии. По мне так лучше употребить отпущенное время на удовольствия жизни, чем тратить его в безнадежном противоборстве. Существойте, пока вам дают. Забейтесь в потаенные норы, которых на нашей планете еще

предостаточно и живите! Океания и арктические острова пока полностью свободны от наших интересов. Ну, а потом, само собой, придем мы, здоровая и высокоморальная часть общества и сотрем вас в порошок.

Кстати, об удовольствиях. Может быть уже пора внести в них разнообразие? Пока не случилось что-то совсем противоположное. Я свернул новости на стеновой панели и перешел в меню «Общение». Я твердо решил сегодня расслабиться после напряженной службы. Набрал раздел «Физиологические контакты». Предложений было масса. Все девчонки – стройные, симпатичные, а у нас других и не бывает. Как-то смотрел передачу про одну из сект антропоморфов, видел их женщин – так пришел в ужас и омерзение! Всамделишные ведьмы и мифические горгульи с отвислой кожей и жировыми складками по всему телу. Ну, правда, их только за это стоит истребить под корень! Нельзя так себя запускать, доводить дело до внешних проявлений старости. Отсутствие технологии не является для меня оправданием. Иное дело – наши красотки. Я глянул на локацию – надо бы выбрать кого поближе к моему блоку. Вот. Некто – Тара, оператор на фабрике пищевых концентратов. Высокая блондинка со вздернутым носиком и ямочками на щечках. Статус – «флирт, сексуальная разгрузка». Повертел ее фото с разных ракурсов. Сложение безупречно, интимные подробности и предпочтения заблокированы «только для друзей», в число коих я пока не вхож. Интересно будет позна-

комиться. Свободное время до шести утра завтрашнего дня. Отлично! Рана меня совсем не беспокоила, а для девушки мои бинты явились бы дополнительным эротическим стимулом. Не каждый день удается переспать с героем, только что пролившим кровь ради общества. Это, если хотите, даже ответственность! А позу можно выбрать такую, чтобы поменьше двигаться.

Вдруг дверь за моей спиной распахнулась, и я обернулся. На пороге стояла Тиа. Культуролог. Да и слово – то какое – как попугай в ветвях кричит: куль – ту – ро – лог, куль – туррр – рролог! Метр шестьдесят пять, Х–силуэт, социальный статус «Гамма», гетеросексуальна, мультиоргазмична. В настоящий момент я, в силу направленности мыслей и чувств, мог рассматривать женщину исключительно в подобном разрезе.

Раньше Тиа была гражданским сотрудником «Форекона», вела офицерские курсы, поднимала наш уровень образования, а теперь подвизается в рекрутерской службе. Тоже по культурной линии. Она пишет пресс-релизы, а также вместе с коллегами разрабатывает пропагандистские лозунги. По мне, так бесполезное занятие – на пунктах вербовки и так постоянно толпы желающих послужить.

Тиа – почти моя подружка в том смысле, что у нее имеется свободный доступ к моему жилищу. Мы уже около года вместе, хотя и познакомились при официальных обстоятельствах. Устав предписывает офицеру иметь хобби. Там

недвузначно сказано: «Еженедельно каждый военнослужащий обязан посвящать собственному гуманитарному развитию не менее трех часов внеслужебного времени». А мне их требовалось в два раза больше из-за специфичного контингента общения. Все-таки работаю в основном со штатскими лицами. Поэтому мне понадобился личный тренер по манерам и всяким умным беседам. Так Тиа угодила в мои духовные наставники. Она оказалась самой привлекательной из всех моих интеллектуальных патронов, о чем ей было незамедлительно сказано. Нехитрый комплимент разве-селил девушку, и я узнал, что означает выражение «когнитивный диссонанс». Тиа принялась обучать меня образному мышлению на примере классической литературы, и я так высоко ценил ее усилия, что каждый раз вежливо прикрывал ладонью рот, когда хотел зевнуть. Но труды Тиа не пропали даром. Мои успехи в аллегориях настолько впечатлили учительницу, что она удостоила своего подопечного чести быть приглашенным на ее день рождения. Праздник прогнозируемо закончился в постели. И хотя с тех пор мои культурные запросы сузились до подсчета количества крючков на ее одежде, Тиа не возражала. Ей все равно пришлось поменять работу из-за служебного флирта. На базе «Форекон» не поощряется, когда тренер занимается любовью с подопечным. Пить вместе – пожалуйста, но спать вместе нельзя. Чтобы как-то компенсировать девушке неприятности, я включил ее в список резидентов Хибары. Признал официальный ста-

тус нашей связи, но до полноценных отношений дело не дошло. Время текло, Тиа терпеливо ждала моего следующего шага. Она не демонстрировала это открыто. Номинально я был абсолютно свободен так же, как и она. Мораль общества не возбраняла нам связи на стороне, хотя я не мог в силу характера пользоваться этим правом. Мешало чувство вины, через которое я сегодня планировал перешагнуть. К тому же любая женщина рождается с полным генетическим набором школы намеков и красноречивого молчания. Тиа применяла на мне свои штучки, а я, напротив, чем дальше, тем больше стал отбиваться от рук. Витающие в воздухе обязательства начали меня тяготить. Но и прекратить отношения я не мог. Девушка пострадала по причине моей бесшабашности – как я мог ее бросить? Или уже не хотел? В результате между нами установилась тревожная тишина. Дело могло в любой момент кончиться либо разрывом, либо брачным союзом. В обоих случаях это точно будет безрассудным поступком. Вот и возрази теперь Гиллису.

– Салют, Тиа, – печально сказал я.

Смуглая брюнеточка прошла взглядом по забинтованному плечу, потом улыбнулась, расчетливо сверкнув безупречными зубками:

– Салют, Слик. А я решила заскочить – узнать, как ты. Все –таки попал в перевязочный реестр.

– Как узнала?

– Девчонки из диспетчерской сообщили, – немного сму-

щаяся, сообщила Тиа. – Что случилось? Рана серьезная?

– Ерунда. Навылет сквозанонуло. Через пару дней затянется полностью. Проходи, располагайся.

– Что проделываешь? – получив мое приглашение, она вновь победительно улыбнулась и порхнула ко мне на диванчик.

Ее безупречное тело пахло свежестью, черные волосы хранили чуть различимый аромат каких-то терпких цветов. Тиа искоса посмотрела на панель и, увидев, в каком окошке я нахожусь, возмущенно всплеснула руками:

– Вот ты чем занят! Положительно – от девушек мужчинам всегда нужно только одно, – ее личико обиженно вытянулось.

Я нахмурился:

– Проблема не в том, что мужчине от женщины нужно только одно. Проблема в том, что женщине от мужчины всегда нужно все.

Тиа виновато погасила топазовые огоньки зрачков:

– Извини, Слик. Как там, в псевдо-диком мире? Воняет, наверное...

– Не так, конечно, как у меня во рту после твоего дня рождения, но тоже пованивает порядочно, – я усадил Тиа себе на колени и теперь старательно портил ее идеальную прическу.

– Вижу, что ты хотел расслабиться, – она скосила на меня хитрющие глазки. – Ну, так давай расслабимся. Стой, Слик, не так быстро! Погоди, я сейчас, – подружка шустренько вы-

вернулась и моих объятий и, подмигнув, скрылась в полупрозрачном конусе душа.

Положительно – в новых знакомствах есть свежесть, искра, интрига, но и привычные отношения доставляют немало положительных эмоций. Даже жаль, что с Тиа вскоре придется поговорить всерьез. Девушка собралась вести осаду капитана Слика по всем правилам фортификации, а ни одно укрепление таких действий не одобряет. Сколько, интересно, провела она времени перед своим туалетным столиком, когда собиралась нанести мне «неожиданный» визит? Но ее стройная тень на дымчатом пластике душевой кабины мгновенно стерла из моего сознания здравые мысли, заменив их выбросом гормонов. Она вернулась через несколько минут, запечатанная в белоснежное вафельное полотенце. На бронзовой коже Тиа светильники зажгли десятки бриллиантовых капелек.

– Что попробуем сегодня? – ее внезапно охрипший голос сказал мне о том, что тело моей девушки уже включило режим сексуальной активности.

Этот стандартный вопрос как обычно поставил меня в тупик:

- Твои предложения?
- Хочу романтики.
- Мне бы такую, чтобы меньше шевелиться.
- Можно один–один–девять, – девчонки почему–то всегда знают содержание любовного командного набора на-

изусть. И мы, мужчины, постоянно идем на поводу их желаний.

– А что там?

– Выбирай. Тебе понравится.

Наши тела повиновались введенным установкам и потянулись друг к другу. Из стены за моей спиной услужливо выкатилась огромная кровать, на которую мы, спустя несколько секунд, плавно опустились, как и было предусмотрено в любовной схеме номер сто девятнадцать. Вдруг Тиа отстранилась, перейдя в мануальный режим:

– Погоди.

– Что случилось?

– Моя сто девятнадцатая идет под музыку Стравинского «Поцелуй феи».

– Хм. А у меня нет такого. Странно.

– Скачай обновление! Ты отсталый тип. Ладно, сама поставлю. Передай мне на минуту управление домом!

Потом, после бурной взаимной разрядки, Тиа вновь ускакала в ванную комнату и вернулась ко мне на кровать с двумя стаканами апельсинового сока.

– А знаешь, в средние века все было не так, – важно заявила она, устраиваясь рядом и протягивая мне один бокал.

– Тебе виднее. Куль–тур–ролог!

– Хватит дразниться. Я просто смотрела древние фильмы про любовь и секс и, представляешь: мужчина и женщина тогда ложились в постель без всяких предварительных про-

грамм.

– Это как?!

– Очень просто. Расчет был на взаимопонимание и интуицию. Во внутренних «арриалах» до сих пор так принято. Там большинство населения еще не «чипованы».

– Забавно. Ну, когда мозговых процессоров не существовало – это понятно, но сейчас... Хотя, может быть, они на словах договариваются о последовательности действий.

– Удивительно, но нет. Ничего подобного. И тогда, и теперь некоторыми ценится непредсказуемость. Естественность. Б–р–р... Я вот представила, что ты меня исследуешь, рассматриваешь, словно паук попавшую в сеть муху, а я не знаю, чего от тебя ожидать и прямо мороз по коже прошел. Отвратительно, правда?

– Понятия не имею. Можно будет как–нибудь попробовать. Вот так, словно ископаемые. Совсем без программы.

– Фу! – Тиа шутливо толкнула меня в бок кулачком и демонстративно отодвинулась.

Я правой рукой сгреб ее в охапку и, преодолев шутливое брыкание, поцеловал в нос.

– Хочешь поужинать?

– Да, любовная игра отнимает силы, – нарочито томно промурлыкала девушка.

– Так заряди свои аккумуляторы. Они тебе еще сегодня понадобятся.

– Ой–ой–ой, большой парень играет всеми своими муску-

лами! – подразнила меня Тиа. – Выведи меню на большой экран.

Несколько минут она копалась в разных блюдах, потом вздохнула:

– Не могу выбрать.

– Возьми салат из креветок. И кварту сухого вина.

– Я хочу угря.

– У него противный привкус.

– Всегда удивляюсь – откуда в тебе столько знаний по биологии?

Я невесело усмехнулся:

– Это почти моя вторая специальность – разбираться в природе. С подросткового интерната половина учебных часов у нас, курсантов, была сплошной биологией. Военный обязан знать своего врага, а наш враг – дикая природа Земли. Закажи тогда суп из морского гребешка. Полезный, снижает уровень холестерина естественным путем.

– Он, наверное, дорогой. В твоём РМ – бюджете возникнет финансовая дыра.

– Чего?! – удивился я.

– Ой, я все время забываю, что вы, военные, избавлены от системы РМ. Живете, словно древние магараджи. Просто берете все, что пожелаете. А платит правительство.

– В рамках нашей страховки. И потом, – я кивнул на бинты, – мы отдаем Метрополии не только свое время и знания.

– Ладно, убедил. Сам что будешь?

– Ничего, я уже поужинал.

– Давай еще раз, со мной за компанию.

– Не хочу, спасибо.

– Нуууу, Слик...

– Тиа, я уже сказал, что только что набил брюхо. Не хочу.

– Вот так. Ты всегда думаешь только о себе.

Мне даже на секунду послышался всхлип в ее последних словах. Но уже через минуту природная общительность моей девушки взяла свое, и она, усевшись мне на колени, принялась захлеб рассказывать подробности последнего рабочего дня:

– А вот еще! У меня сейчас новый учебный курс – знакомство с древней массовой культурой. Мы анализируем их киноленты на предмет того, как они влияли на общественное сознание.

– Опять про секс? – я слушал вполуха, меня больше интересовало полотенце, которое настойчиво соскальзывало с ее груди.

– Не только. Вчера, например, я изучала фильм о механическом перевороте.

– Что–то не припомню я такого из курса истории...

– Какой ты! Я же рассказываю про фильм! Это выдуманное будущее. Тогда были популярны апокалиптические мотивы, хотя это оправдано с точки зрения глобального маркетинга – данное мышление стимулировало всеобщее потребление...

– Ну и что?

– В той картине машины восстали и попытались уничтожить людей.

– Какие машины?

– Всякие. Неразумное общество создало человекоподобные механические устройства, агрессивные ко всему живому. Случилась война. Не как у нас с антропоморфами, а реальная, настоящая война.

– Ха–ха. Интересно. Ну и кто там победил?

– Кто–кто? Наши, конечно!

Гл.3. Линия Моллоя.

Щедрое подаяние плебсу.

Пупырчатая от заклепок шкура «Фиделя» вздрагивала – техники, как всегда, что-то латали в последний момент, снаружи громко ругался старшина механиков Ноэль, поскольку один из баллонов с углекислотой оказался пустым, но Моллой не замечал предстартового шума и суеты. Когда было нужно, он умел отключаться от всего. Его тонкие пальцы гладили, почти ласкали экран планшета. Программу-подражатель Моллой написал сам. И назвал ее «Ван Дейк». Разве великий голландец не пытался подражать своему учителю Рубенсу, чтобы потом превзойти его? Хорошая тактика – сначала поравняйся и повтори, а потом обгони и уйди далеко вперед. «Ван Дейк» помогал ему визуализировать собственные архитектурные замыслы, причем делал это в строгом соответствии со стилями гениальных живописцев.

– Действие. Открыть файл Прайда, – Моллой не сдавался в попытке улучшить одну из своих работ.

Распознаватель голоса послушно выполнил его требование. Пред глазами архитектора разверзлась бесконечная лавовая пустыня. Потоки магмы дрожали раскаленным мерцанием, клочкотали кипящие грязевые гейзеры, огненный Флегетон медленно увлекал свои тяжелые воды вдоль покрытых

пеплом берегов, под напором сернистых газов в небо взлетали обломки горных пород. Буйство было, мрачность присутствовала, но Моллой не чувствовал завершенности композиции. Пейзаж казался разрозненным, словно состоял из нескольких и плохо совмещенных между собой элементов.

– Действие. Почерк Моне, – скомандовал Моллой.

Краски «потекли». Голубой цвет пробился сквозь угольно-карминовый хаос.

– Нет, не то, – вздохнул архитектор. – Импрессионизм тут не подходит. Действие. Стиль Кандинского.

Яркие краски на грани гротеска просто взорвали пейзаж. Фонтаны красного, желтого и фиолетового влили в Прайд оживление, но это было болезненное, на грани безумия, оживление. Моллой прикусил губу. Абстракция вымыла из рельефа идею автора и заменила ее собственной.

– Действие. Стиль Беклина, – после минутного размышления осторожно произнес он.

И через десяток секунд изумленно прошептал:

– Вау...

Словно белоснежные клыки пейзаж разрезали остроконечные скальные пики. Потоки лавы нашли свое отражение в бликах на темно-зеленых глыбах вулканического стекла. С поверхности Флегетона исчезли ленивые водовороты, его воды словно застыли. Картинка утратила вызывающие краски, но торжество неизбежности сквозило теперь во всем.

– Добавить элемент «Харон»? – на экране высветилось

диалоговое окно.

– Принято.

Посередине реки появилась лодка. На ней – старик с белоснежными волосами, в серой хламиде и с тонким веслом в руке. Лодка везла гроб.

– Действие. Убрать лодку, добавить плот. И пусть вместо весла будет канат. Одежду Харона сделать черной.

«Ван Дейк» послушно внес изменения в пейзаж. С ними он потерял последние нотки умиротворения. Теперь от него повеяло тоскливой безнадежностью.

– Есть. Наконец-то, – по тонким губам Моллоя скользнула улыбка. – Сохрани его, Гвен.

Гвен, вернее Гвиневра – так он называл свой планшет. Кодовое имя есть лишь пароль обращения, маркер для голосового фильтра компьютера, так почему же ему не быть благозвучным? Но Гвиневре пришлось затаиться и уменьшиться до Гвен, потому что один из его соратников по бюро услышал, как Моллой обращается к планшету и поднял коллегу на смех:

– Смотрите, что отмочил наш скромняга! Назвать дешевый гаджет именем жены короля Артура – надо же до такого додуматься! А свою холостяцкая берлогу, ты, наверное, окрестил Камелотом? Право, на меньшее не стоит соглашаться. Иначе некуда будет принести с работы Гвиневру. Эх, ты, сэра Ланселот Озерный!

Поэтому Гвен и никак иначе. Он пока не гордый рыцарь,

а скромный трудяга – оруженосец. Но скоро, очень скоро на его плечо ляжет тяжелый меч признания суверена, и он поднимется с колен захудалости, поднимется уже тем, кто может называть Гвиневрой свою электронную помощницу без всякого стеснения. И надежды Моллоя были связаны отнюдь не с кроуд-файтингом и верным «Фиделем», в кресле пилота которого он провел без малого год, а с его работой и переходом в социальный класс «А». Пусть задания становились все сложнее, но отчисления РМ за них достигли небывалых размеров. А что касается смысла проектов, которые разрабатывал Моллой... он и сам не мог объяснить себе их сути. Но раз они приходили по правительственным каналам Метрополии, значит государство нуждалось в них, не так ли? Еще немного и главная цель жизни Моллоя будет достигнута. Несмотря на творческую профессию он не был мечтателем. Все его мечты имели срок исполнения.

Защитный шлем Моллоя, что лежал перед ним на приборной панели, вдруг ожил голосом Фарги, пилота «Варана», второго механизма их товарищества.

– Моллой, привет.

– Здравствуй, Фарги. Как твоя ящерица?

– Немного барахлит привод хвоста, но на пару боев его хватит.

– Все шутишь? Это же прямой убыток акционерам.

– Ничего, не всегда же им зарабатывать на наших шкурах. Где твой неверный? Мне нужно обсудить с ним тактику на-

падения.

– Опаздывает, как всегда.

– Вызови меня, когда он объявится.

Второй номер Моллоя, оператор оружия краулера имел экстравагантную внешность, за что его прозвали Янычаром, но пунктуальность не была его сильной стороной. Сколько раз он заставлял напарника нервничать, когда являлся за пять минут до начала турнира? Это просто чудо, что их до сих пор не разу не дисквалифицировали. Вот был бы скандал на все товарищество! «Фидель», как и все прочие спортивные роботы создавался на частные пожертвования граждан. Если машина хорошо дралась, то акционерное общество постепенно выходило в «плюс». Потому что за каждую победу платили звонкими сообщениями о пополнении РМ-баланса. Ну, и еще можно было делать ставки на тотализаторе. Особенно удачливые могли заработать на кроуд-файтинге состояние, но большинство болталось вокруг нулевого баланса по обе его стороны. Иное дело – пилоты. Им не приходилось раскошелиться при подготовке к очередному турниру. Их взнос в общее дело ограничивался полисом медицинской страховки. Это потому, что каждый третий оператор получал в боях травмы различной степени тяжести. Но это мало кого пугало, конкурс на места пилотов всегда был сумасшедшим. Чтобы попасть в кресло «Фиделя» Моллою пришлось несколько лет каждую вторую ночь проводить в бесконечных виртуальных турнирах. Помогло то, что он ни-

когда не терял хладнокровия. И математические способности архитектора. Моллой без труда читал «геометрическую» схему битвы, поэтому «Фидель» часто начинал бой на самой выгодной позиции. Ему прочили большое будущее в кроуд-файтинге, но Моллоя не вдохновляла спортивная карьера. Он пришел сюда исключительно ради РМ–заработка.

Над воротами технического зала зажглась цепочка оранжевых прожекторов.

– Двадцать минут до начала отборочного раунда. Операторам приготовиться! – Моллой много раз видел эту дикторшу и всегда удивлялся, откуда у этой кукольной блондиночки в голосе столько бездушной жестокости.

В стекло кокпита снаружи застучала нетерпеливая рука. Это был Фермин, администратор команды. По его красному лицу стекали капли пота, от волнения он облизывал губы. Впрочем, Фермин всегда нервничал и вносил в последние минуты перед боем совсем ненужную суету.

– Выключайся, Гвен, – флегматично сказал Моллой, после чего вручную отодвинул прозрачный люк из карбонового стекла. – Ну, чего опять?

– Моллой, мы меняем второго пилота.

– Что????!!! – теперь занервничал уже сам Моллой.

– С Фаридом никто не может связаться. Он куда–то исчез. Верно. Коммуникатор стрелка не подавал признаков жизни.

– Мы завалили его страницы в сети сообщениями, но все

без толку, – пожал плечами Фермин. – Хорошо, что я успел внести изменения в заявку.

– Кто он?

– Отличный парень. Опытный. Зовут Полди. Он уже осваивается во второй капсуле. Можешь пообщаться.

Холодные серые глаза Моллоя внимательно исследовали дерганую мимику администратора. Ситуация была нерядовая, но вполне решаемая. Сотни пилотов ждали своего часа в резерве. Кому–то из них сегодня повезло. Конечно, на карту поставлена репутация команды, заработок акционеров и здоровье самих операторов. Но такое иногда случается, странно еще, что бесшабашный Фарид не подвел их раньше. Хотя боец он был классный, не отнять. Но все равно – что-то было не так. Какую–то фальшь уловил Моллой в бегающих глазках Фермина, он явно рассказал не все. Впрочем, Моллой умел сосредотачиваться на главном. А главное должно было начаться уже через пятнадцать минут.

– Ладно. Я понял. Это все?

– Нет, – Фермин замялся. – Слушай, если хочешь, то можешь снять свою ставку. Организаторы пойдут навстречу, я договорюсь.

В этом раунде верхнюю планку тотализатора установили на пятидесяти РМ. Поставить на свое мастерство для пилота было вопросом чести.

– Я не собираюсь этого делать, – в голосе Моллоя промелькнула нотка брезгливости. – И тебе не советую.

– Нет-нет, я так, на всякий случай...

– Коэффициенты букмекеров взлетели?

– Да, с один, точка четырех до трех с половиной.

– Отлично, – Моллой удовлетворенно улыбнулся.

Его худая рука снова взялась за ручку люка.

– Выложи на страничку «Фиделя» – первый пилот посвящает стартовый бой всем нашим инвесторам. Когда меняются люди, на помощь приходит ударная мощь.

– Хорошая идея. Удачи!

– Спасибо, Фермин. Не вздумай менять ставку, слышишь?

Администратор еще грохотал ступенями приставной лестницы, а Моллой уже нажал кнопку интеркома.

– Здесь Полди, – прозвучал из наушников шлема молодой и насмешливый голос.

– Первый пилот Моллой.

– Будем знакомы.

– Мне не мешает информация.

Ироничное фырканье.

– Три года в файте. Восемь тысяч девяносто шестой в рейтинге.

Солидно. Опыт больше, а позиция выше, чем у него самого. Через компьютер «Фиделя» Моллой быстро нашел личное дело своего нового напарника. Белобрысая веснушчатая дылда, приятная улыбка, но в глазах искры веселой бесшабашности. Положительная статистика побед и поражений. Трижды доходил до финальной пульки Кубка Провинции, но

в призеры не пробивался. Сам Моллой споткнулся на уровне одной второй чемпионата Венториса, причем считал это серьезным достижением.

– Ясно..., – протянул Моллой. – А почему остался без команды?

– Это связано с переменой места работы, – прозвучал ответ, который вполне мог быть поразвернутой. – Ты не парься. Последние полгода я сидел за рычагами именно краулера.

– Значит, ротор с манипуляторами не спутаешь?

Из динамика плеснуло смешком:

– Ты только дай мне позицию для атаки, а уж я не подведу.

В кроуд –файтинге установилась прочная градация стальных бойцов: краулеры – универсальные машины с хорошей защитой, но неповоротливые, страйдеры – юркие метатели различных снарядов, скарпоны – аппараты с лобовой броней и атакой с задней линии (к ним, в частности, относился «Варан»), элеваторы – роботы, где была сделана ставка на низкий клиренс и мощный подъемный механизм.

Каждая машина была выполнена на железном каркасе. Применение синтетических материалов, равно как и современных биотехнологий строго регламентировалось. Организаторы турниров тем самым преследовали несколько целей: и романтизацию древних, уже ставших классикой произведений о войнах между людьми и роботами, и простоту исполнения (файтера для боев можно было при желании собрать в небольшой мастерской), а самое главное – лимитировал-

ся расходный бюджет. Поскольку механизмы создавались на пожертвования акционеров команд, правительство Метрополии решило уравнивать их возможности и сделать главную забаву планеты максимально доступной для простых граждан. По ценам свободного рынка на комплектующие, каждый участник соревнований не должен был стоить дороже 28 000 РМ. Чем больше народу входило в число инвесторов команды, тем меньше был их ежемесячный донорский платеж, но и доходы падали соответственно. Еще несколько лет назад оптимальным считалось акционерное общество в тысячу человек, но популярность кроуд-файтинга все росла, поэтому каждому товариществу разрешили иметь двух роботов на арене.

У команды, за которую выступал Моллой их было именно столько. Мощный краулер и быстрый скарпон. «Фидель» принадлежал к классическому типу железных монстров. Две стальных клешни-манипулятора делали его похожим на краба, а роторный вал с шипами надежно прикрывал тыл. Он двигался не слишком быстро, маневренность не входила в число его сильных сторон, но, если «Фиделю» удавалось запереть противника в углу площадки, тому приходилось несладко. Название робота придумал Моллой. «Точный», «Расчетливый», «Верный» – железный гладиатор гордо заявлял о своих достоинствах. Цвета «Фиделя» – сапфирово-синий с зеркальными панелями кокпитов, а эмблема – серебряный скарабей на лобовом отражателе. Высотой робот немно-

го превосходил африканского слона и имел более широкую базу. И в очном поединке против него у слона не было бы ни единого шанса.

– Внимание! Пять минут до начала отборочного раунда. Просьба пилотам – занять свои места.

Вспыхнули желтые прожектора. Моллой нажал кнопку стартера. Корпус «Фиделя» завибрировал моторной дрожью.

– Зря гоняешь движок. Нас посеяли восьмыми.

Результаты жеребьевки скидывались в штабы команд и на компьютеры пилотам за минуту до старта. Одновременно с ними приходила схема и очередность выезда из технического зала в буферную зону. Но Полди сказал об этом раньше официального объявления.

– Откуда знаешь? – с подозрением поинтересовался Моллой.

– Ха–ха. Я уже давно варюсь фрикаделькой в супе файтинга. Имею связи.

– Понятно. А какие еще интересные сплетни плавают в этом бульоне?

– Вроде бы в первом нашем бою будет площадка номер восемь.

Восьмой номер рельефа – это рельеф с водной преградой. Ценные сведения. Маленький ручей или озерцо сильно снижали скорость и маневренность вертких моделей роботов. При таком раскладе неторопливый краулер получал весомое преимущество.

– Уверен?

– Не настолько, чтобы сообщать «Варану».

– Ясно.

Экран бортового компьютера мигнул. Моллой открыл карту–схему отборочного раунда. Они и вправду выезжали на арену в восьмой группе. Слепой рэндом выбрал им в соперники совершенно незнакомую команду «Тайфун». Страйдер и элеватор. Не самое сильное сочетание. Они обязаны проходить дальше!

Сто квадратов технического зала взревели моторами боевых механизмов. На полу перед некоторыми уже зажглись зеленые направляющие. Первые стальные гладиаторы двинулись по световым стрелкам к своим личным триумфам и поражениям. А кто –то может и к машине Службы Спасения, что во множестве дежурили у ворот Дворца кроуд-файтинга.

За несколько мгновений до того, как пришел их черед выезжать на арену, на коммуникатор Моллойа пришло сообщение от Лори. Очаровательная зеленоглазая шатенка с мягкой улыбкой сидела в конторе от него через один стол и «в мыслях на подушке» являлась Моллою совсем не в деловом костюме. «Мы с коллегами смотрим репортаж в спорт-баре напротив офиса. Болеем за тебя! Удачи в битве!».

Грустная улыбка тронула его губы. Наивная Лори. Скорее всего она была единственной из компании сослуживцев, кто искренне желал ему успеха. Остальные предпочли бы увидеть его лежащим в коме, а потом, лицемерно скорбя, оста-

вить свои росписи на траурном венке. Потому что на работе Моллоя терпеть не могли. За то, что ему единственному дали новую тему, за то, что перед ним уже приоткрылись двери класса «А» – верхней ступеньки социальной лестницы граждан, да и за тот же кроуд-файтинг. Они считали Моллоя бесовестным везунчиком. Никто, ни один из них и понятия не имел, чего стоили баловню удачи эти, казалось, незаслуженные успехи.

Моллой нахмурился, отключил коммуникатор и чуть тронул педаль скорости. Массивная туша «Фиделя» плавно сдвинулась с места. Провернулись все восемь ведущих колес, закрытых броневыми листами, на корпусе заиграли сотни синих светодиодов, словно рисуя на шкуре чудовища причудливые узоры. Полди опустил вниз правый манипулятор и прочертил по бетонному покрытию полосу искр. Боевая традиция?

– Рисовщик, – процедил сквозь зубы Моллой.

В свете зеленых прожекторов они вползли в буферную зону арены. Несколько поврежденных роботов деловито оттащивали электрокары. Сами двигаться они уже не могли. Путь побежденных гладиаторов короток и полон печали. Либо к техникам в починку, либо – на свалку металлолома. Кокпит пилота одного из бойцов был сильно поврежден – каркас сложен наполовину, стекло превратилось в сетку из мелких трещин. Моллой поежился. Он понимал, что в этом поединке пострадал водитель механизма. Липкая медуза страха про-

тиснулась ему под сердце. А вдруг это случится со мной? Нет, не хочу! Но уже через секунду его брови упрямо сошлись на переносице – страх подавляет разум, но мы не будем бояться, мы пойдём ему навстречу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.